

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 32

1987

Александр ПАЛЛАДИН

ПРЕЗИДЕНТ И НИЩИЕ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 32

Александр ПАЛЛАДИН

ПРЕЗИДЕНТ И НИЩИЕ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1987

Александр ПАЛАДИН

Журналист-международник Александр Александрович Паладин родился в 1944 году. Выпускник московского института иностранных языков, студентом ездил на Кубу, где принимал участие в оказании интернациональной помощи по укреплению Острова Свободы.

Журналистикой занимается с 1970 года. В 1973—1979 годах работал корреспондентом АПН в Канаде. С 1980 года — в газете «Известия», от которой в 1981—1986 годах работал собкором в Вашингтоне. Журналист с острым, ярким пером, постоянно печатается во многих центральных изданиях.

Член Союза журналистов СССР. Лауреат премии «Огонька» за 1983 год.

НЕДОЛГО МУЗЫКА ИГРАЛА...

В 90 милях от Чикаго, в штате Иллинойс, находится городок по названию Диксон. Населения в нем без малого 16 тысяч душ. Расположенный в живописной местности, особенно Диксон хорош летом, когда цветут петунии. Их там такое обилие, что местные жители с присущей американцам тягой к громким титулам провозгласили свой город петуньевой столицей мира. Река Рок, что пересекает Диксон надвое, за городской чертой делает крутой бросок назад, будто хочет на прощание полюбоваться приглянувшимся видом.

При въезде в город установлен щит: «Добро пожаловать в Диксон, на родину братьев Хей — изобретателей знаменитого мороженого». Улицы в Диксоне неширокие, но прямые и незнакомые с автомобильными пробками. Дома — в один-два этажа, лишь в центре малость повыше. Здесь же, в деловой части города, циркулем охватив Гейлина-авеню, возвышается незатейливая триумфальная арка — на сегодня единственная в США из всех, что некогда славили победу в первой мировой войне. Кабы не эта реликвия начала века, совсем Диксон было б не отличить от других подобных городков той Америки, которую Ильф и Петров окрестили одноэтажной...

Сходство налицо и в другом. Стандартная в Соединенных Штатах дань патриотизму — звездно-полосатый флаг над зданием городского суда. Это в центре. А на окраине — в те же красно-белые полоски, но без звезд кирпичная труба цементного заводика «Лоунстар». С недавних пор вместо дыма над ней вьется стая голубей, а 170 кормившихся этим производством рабочих изнывают от бессрочного отпуска: жизнь на «Лоунстар» замерла.

И не только на «Лоунстар». На шестьдесят пятом году существования закрылось учебно-производственное объединение для инвалидов, из-за чего без работы остались еще 1400 местных жителей. Зато полку инвалидов по принуждению тех, кто против своей воли прозябает в безделье, прибыло. Пусть по национальным масштабам он невелик, но Диксону его хватает с лихвой, ибо в его рядах почти треть трудоспособного населения.

Другой знак наступивших времен — так и лезущие в глаза плакаты «Продается», «Сдается в наем». Их в городе меньше, чем петуний, но и символ у них иной. Не одой жизни они звучат, а реквиемом, возвещают упадок, а не расцвет. О том же говорят взору ослепшие (щиты вынуты, остался лишь ржавый остов) вывески магазинов на углу Хеннепин-авеню и Первой-стрит. Торговый центр Диксона обезлюдел, ушли из него и покупатели, и продавцы.

А еще недавно все было иначе. По пятницам, под уик-энд, в район Первой-стрит и Хеннепин-авеню стягивали дополнительные наряды полиции — осаживать подгулявшую толпу. Жители Диксона предавались веселью, ибо чисто по-американски были преисполнены оптимизма и веры в грядущее преуспеяние, гнали насущные заботы и невзгоды прочь.

Веру эту крепили кивками на местных героев прежних времен, главный среди которых — Джон Дир выбился из безвестного кузнеца в фабриканты знаменитых на весь свет сельскохозяйственных машин. И хоть к его землякам фортуна была менее благосклонна, Диксон не сетовал на судьбу. Двадцать лет город не знал ни спадов, ни безработицы — в Америке такой срок под стать целой вечности. Крепко стоять на ногах, ощущать под собой твердую почву — в США счастливый удел и не каждого из богатей.

Ныне все это в далеком (ибо в такое даже трудно поверить) прошлом. «Регистрация временно прекращена» — гласит табличка при входе на городскую биржу труда. К чему ставить людей на учет, понапрасну их обнадеживать, если вакансий нет, а рабочих мест в полтора раза меньше, чем желающих их занять?

Впрочем, есть в Диксоне учреждение, которое общая беда миновала. Более того, оно, можно сказать, переживает мини-бум. Существующий штат с обязанностями не справляется, и объявлен дополнительный набор сотрульников.

Имя этому заведению — психиатрическая лечебница. Ее директор Лэрри Приндавилл прожил в Диксоне всю свою жизнь, но такого наплыва пациентов не помнит. Ставя диагноз эпидемии душевных расстройств, Приндавилл предпочитает медицинским терминам понятный любому язык: «Все дело в страхе, который вызван состоянием национальной экономики».

Словом, Диксон перестал отличаться от сотен и тысяч своих собратьев — малых и больших городов Америки. Когда недавно в том же Иллинойсе решили построить новую тюрьму, гостеприимство этому заведению вызвались оказать двадцать населенных пунктов штата. В надежде заполучить казенный дом жители одного из конкурирующих городов встретили инспектора Иллинойса по делам тюрем гигантским «Добро пожаловать», выложенным на поле местного стадиона. А все потому

лишь, что новостройка сулила сократить безработицу на триста пятьдесят человек.

Но одно обстоятельство ставит Диксон особняком. Девятилетним мальчиком родители привезли в этот город Ронни Рейгана, и он там рос и жил до 21 года. «У каждого из нас есть место, куда всегда тянет вернуться. Для меня такое место — Диксон, — написал в автобиографии нынешний глава Белого дома. — Годы, проведенные в Диксоне, на всю жизнь сформировали мой разум и плоть». Традиционный пафос этих слов истине не перечит. Во всяком случае, в своих высказываниях и рассуждениях Рейган, взывая к возрождению былой американской мощи, часто обращается к идеалу поселков и городов, подобных Диксону.

Надо ли говорить, как радовались жители Диксона победе земляка на выборах сорокового президента Соединенных Штатов! Вечером 4 ноября 1980 года река Рок сияла отблесками праздничного фейерверка, перебивая друг друга, гремели оркестры на Хеннепин-авеню, а многотысячная толпа, собравшаяся под триумфальной аркой, чуть ли не до зари скандировала имя своего кумира. Были в этом упорядоченном буйстве и понятный восторг успехом выходца из родных мест, и завороченность его обещаниями «оздоровить экономику страны», и наивная корысть: вдруг и жителям Диксона перепадет ломоть пирога грядущего благоденствия?

Но оттремел салют, смолкли джаз-банды и рок-группы, разошлись горожане с Гейлина и прочих центральных авеню, а манна небесная ни на земляков президента, ни на американцев в целом ниспадать не желает. И, как результат, резко изменилось отношение к тому, кому еще вчера безропотно внимали, ибо его слова стали поверять делами.

Мнение многих диксонцев выразил представитель местного профсоюза плотников Дин Фрей:

— Рейган любит вспоминать, как бедствовали его родители. Однако это было так давно, что наш президент, похоже, забыл, что значит быть бедняком.

ПРЕЗИДЕНТ И НИЩИЕ

Под рождество Реджинальд Эндрюс преподнес себе подарок, а заодно возрадовал сердце самого президента. 29-летний негр из Нью-Йорка оказался в нужный момент в нужном месте — на платформе подземки, откуда под колеса поезда свалился слепой старик. Пока другие глазели в оцепенении, Эндрюс прыгнул на рельсы и спас земляка от верной гибели. Наградой за то ему стали 3000 долларов (собрали анонимные жертвователи), титул «героя» (позаботилась местная пресса) и звонок из Белого дома. Поздравив храбреца, Рейган выразил удовлетворе-

ние тем, что, мол, не перевелись еще в Америке отвага и благородство, а узнав, что его собеседник уж год как не по своей воле бьет баклуши, выдал еще один звонок, после чего Реджинальд покинул ряды многомиллионной армии безработных.

Так Эндрюс стал знаменитостью. 3 000 долларов, впрочем, тут же ушли на уплату долгов, так что из гарлемской каморки, где он ютился с женой и восьмью детьми, выбраться не удалось. Зато по примеру президента ему стали названивать незнакомые люди, свидетельствуя восхищение его смелым поступком. И в Белом доме были довольны: замолвив словечко за безработного негра, президент записал в свой актив очко и наглядно доказал правильность собственной формулы о том, что с безработицей, мол, легко совладать, если каждый предприниматель наймет дополнительно хотя бы одного работника. Лишь не разделившая казенного оптимизма «Вашингтон пост» усомнилась, хватит ли ситуаций, в какой отличился Эндрюс, на всех безработных.

Да и счастье, выпавшее герою рождественских репортажей, оказалось недолгим. Предприятие, куда его взяли по высочайшей протекции, переехало из Нью-Йорка в Джерси-Сити. Съездив туда пару раз, Реджинальд понял, что такие концы не для него. К тому же работать в фирме он все равно бы не смог: нужно было иметь дело с низкими температурами, а ему после перенесенной операции это противопоказано. В результате Эндрюс уволился и вернулся на круги своя. С тех пор он пробавляется случайными заработками: изо дня в день, не ведая выходов, караулит у рынка, кому бы помочь с разгрузкой-погрузкой. Порой везет, чаще нет. Словом, Реджинальд опять в долгах, как в шелках. Утешается Эндрюс тем, что не поддался наваждению рождественского приключения и не успел отвыкнуть от привычного образа жизни.

«Известия»

25 марта 1983 года.

* *
*

Апрельским вечером 1983 года в доме Рональда Брикера зазвонил телефон. «На проводе Белый дом, — услышал в трубке бывший сталевар из Хьюстона (штат Пенсильвания). — Будете говорить с президентом?»

Глава нынешней администрации США любит подобные трюки. Той же осенью он обзвонил родственников двух с половиной сотен американских солдат, погибших при взрыве в Бейруте. Позже аналогичный чести удостоилась мать вице-президента Буша: Рейган взялся лично успокоить ее душу, терзаемую сомнениями насчет решающего голоса, которым ее сын обеспечил утверждение законопроекта о производстве химического оружия. Хозяин Белого дома демонстрирует заботу о верноподданных, а его помощники заботятся о том, чтобы каждый такой жест стал достоянием максимальной гласности...

Вернемся, однако, в жилище Рональда Брикера. «Неужто сработало?» — не веря своему счастью, подумал тезка президента, пока телефонистка соединяла его с главой государства. И тут же его сомнения рассеялись напрочь.

— Добрый вечер, Ронни, — по-отечески задушевно зазвучал голос Рейгана. — Прочел твое прошение. Просто позор, что такой парень вынужден бить баклуши. Надеюсь, ты знаешь: невзгоды любого американца — мои невзгоды. Тебе помогут найти работу, так что не вешай носа. Удачи тебе и твоей семье, спокойной ночи!

В своей массе североамериканцы — народ предприимчивый, к превратностям судьбы стойкий. Несколькими годами раньше в Канаде мне привелось слышать про безработного, который нашел выход из положения, открыв платную консультацию для себе подобных. Брикер — того же замеса. Пока 5 000 его товарищей по несчастью с закрытого сталелитейного предприятия мокли под ливнем на одной из улиц Хьюстона, отводя душу криками: «Рейгана — обратно в Голливуд!», мой пенсильванский ровесник преодолел цепи полицейских и охранников и, представ пред удивленные президентские очи, протянул ему челобитную: «Я, имярек, 39 лет от роду, телом и душой здоров, всю сознательную жизнь верой и правдой служил корпорации, но получил расчет. Согласен на любую работу, какую только предложите!»

Спohватившись, телохранители разъединили двух Рональдов, и тот, кто заехал в Хьюстон себя показать и людей посмотреть, одарил того, кто воззвал к нему о помощи, стандартной улыбкой американцев, уверенных в завтрашнем дне.

И все же игра стоила свеч. Президент не только осчастливил безработного просителя телефонным звонком, но и поспособствовал ему в возвращении к полнокровной жизни. Пресса раструбила об импровизированной аудиенции далеко за пределами Пенсильвании, и уже через несколько дней Брикер числился электромонтером в «Радио Шэк»... «Парень пробивной, раз прорвался к самому президенту, — рассудили в компании. — Будет работать на совесть, а нам — бесплатная реклама на всю страну». Счастливчику же достало ума и совести и в минуту радости не забыть про себе подобных.

— Надеюсь, президент помнит о том, что, кроме меня, в Штатах миллионы других безработных, — сказал во всеуслышание Брикер, после долгого перерыва перестав быть нахлебником в собственном доме.

Многие из упомянутых им людей влачат полунищенское существование в той же Пенсильвании. Многие, как Брикер, — оставшиеся не у дел сталевары. Они населяют так называемую «стальную» долину, которую теперь именуют «ржавой».

В 15 милях к юго-востоку от Питтсбурга, на берегу реки Мононгахила, стоит небольшой, в 20 тысяч душ городок по названию Клейртон.

На карте Соединенных Штатов он появился всего несколько лет назад. Вообще-то Клейртон существует несказанно дольше, но подавляющее большинство американцев впервые о нем узнало лишь в 1978 году, когда на экраны вышел художественный фильм «Охотник на оленей». Зрителям в нем предстал типичный «компани-таун» — город, отданный на откуп крупной корпорации (в этом случае — «ЮС стил метал уоркс»), ее милостью существующий и кормящий своих обитателей. Звонили в картине свадебные колокола, клейртонская молодежь коротала досуг в барах либо окрестных лесах, уходила на «грязную войну» в далекий Вьетнам и, кто уцелел, возвращалась обратно — и все это на фоне упершихся в небо труб и взявших город в кольцо корпусов сталелитейного предприятия.

Теперь тот фильм в пору перевести в разряд документальных и хранить как кинопамятник. Пусть изображенный в нем Клейртон выглядел неуютно и мрачно, но тогда он хоть жил и работал. Нынче же трубы «ЮС стил» не дымят, остыли его домны, умолкли прокатные станы, и лишь гулко стучат в непривычной тиши молотки, заколачивая окна и двери: «компани-таун» на глазах вырождается в город-призрак.

Не он один такой в «ржавой» долине. Потрясший в последние годы Америку спад подкосил черную металлургию, и для семиста тысяч занятых в ней тружеников настали черные дни.

В погрязшем в долгах Мак-Киспорте дошло до того, что местная мэрия уволила полдюжины полицейских и пару делопроизводителей. Две трети муниципальных служащих получили расчет в Хоумстеде, чья центральная Хейзелвуд-авеню ныне известна под прозвищем Плайвуд-авеню, в знак того, что витрины расположенных на ней магазинов заколочены досками (по-английски — «плайвуд»). Окрестности же города на целые мили железнодорожных путей покрыты брошенными вагонами и платформами, из-под которых лезет бурьян. В еще одном городе «ржавой» долины, Брэддоке, где некогда ковали оружие для армии северян и катали рельсы, проложившие дорогу на Дальний Запад, дышит на ладан старейшая из библиотек, выстроенных во славу «стального короля» прошлого века Эндрю Карнеги. Красивое трехэтажное здание с башенками, предмет гордости жителей Брэддока, вот уж который год стоит на замке с заколоченными окнами. Протекает крыша, гибнут — и уже погибли — многие книги, которые не под силу спасти местному Дон Кихоту — пенсионеру Рою Стеллу.

Иная беда обрушилась на жителей Мидленда. Тамошняя сталелитейная компания «Кольт» приставила к виску восьми с лишним тысяч своих иждивенцев оружие под стать револьверу с одноименным названием. Сперва «Кольт» закрыла свой местный завод, а затем, обнаружив лазейку в законах, лишила уволенных и их домочадцев льгот медицинского страхования. По выражению газеты «Вашингтон пост», 4118 пен-

сионеров, 3168 жен и 1180 детей мидлендских сталеваров «получили уведомление о предстоящей казни». Зато нью-йоркская компания с годовым оборотом в полтора миллиарда долларов, специализирующаяся на выпуске оборонной, аэрокосмической и автомобильной продукции, одним росчерком пера приумножила свое богатство на 200 миллионов долларов.

Ныне половина трудоспособного населения Мидленда — безработные. Самые отчаявшиеся пополняют ряды бродяг и, как во времена Джека Лондона, тайком от «быков» из железнодорожной полиции подсаживаются в товарные поезда, чтобы пуститься в поиски работы по тем самым рельсам, что, возможно, сработаны их собственными руками.

Донельзя затянул пояс и Клейртон. В его казне осталась жалкая тысяча долларов и несчетные векселя, по которым нечем платить. «Срезав жир, мы вонзаем нож в мышцы и кости», — угрюмо прокомментировал свое решение уволить всех, до единого, пожарных и полицейских мэр Даниэль Пасторе. «Вешаем на город замок», — сказал о том же один из его подчиненных. Выйдя в темное время суток из дома, клейртонцы теперь уповают на безоблачность и луну — рукотворное освещение в целях экономии не включают. Да и днем по многим улицам города ни пройти, ни проехать: на ремонт мостовых денег нет и подавно.

Кто из клейртонцев помоложе и порасторопней, те распродают с таким трудом нажитое и отправляются искать счастья в другие края. Старожилы покидать родные места, к которым прикипели сердцем, отказываются, хотя умом сознают, что будущее беспросветно. «Будущего у нас попросту нет», — со слезами на глазах говорит старый сталевар, уроженец Клейртона Эдвард Супернович.

Но и на новом месте «перекати-поле» не встречают фанфарами: в беде безработицы Пенсильвания не одинока. В прежние времена в Америке нежелательных субъектов обмазывали дегтем, вываливали в перьях и в таком виде выпроваживали за городскую черту. Нынче сей обычай «облагорожен». В северной Калифорнии полицейские, задержав очередного «хобо», гонят его из своего околотка увещеванием: «Топай, приятель, на юг — там теплее». В округе же Фресно бездомных и вовсе снабжают билетами до соседнего штата. Гуманно и благопристойно!

А вот в Нью-Йорке с поповшими в беду не церемонятся. Самый населенный в Америке город насчитывает и самую многочисленную армию бездомных — свыше 40 тысяч человек. (Даже в период «великой депрессии» таких в Нью-Йорке было впятеро меньше!) О том, как целые тамошние семьи, лишившись крова, перекочевывают в ночлежки, а то и на парковые скамейки либо вентиляционные решетки метро, способен многое порассказать Вудро Джист. Бывший полицейский, а ныне судебный исполнитель зарабатывает, как никогда за свои полвека, на чужом горе, выселяя просрочивших квартплату жильцов. Чуть свет Джист

с подручными навещает очередную жертву. Дверь заперта — лезет с отмычкой в окно. Вмиг скудный скарб свален в картонки и, будто военный трофей, увозится на склад, где через месяц пускается с молотка. Его же бывшим владельцам одна дорога: на улицу либо в ночлежку, ведь на дешевое муниципальное жилье в Нью-Йорке очередь двенадцать лет.

Каждый третий нью-йоркский ребенок ныне растет в нищете. В Детройте же, этой автомобильной столице Америки, в бедняках — треть всего населения, причем многим маячит самое «дно», или, по заокеанской терминологии, «подкласс». «Подкласс» в данном случае — понятие социологическое. Им в США обозначают тех, кто полная противоположность американскому супермену: ни кола, ни двора, гол, как сокол, бессилен, излучает не бодрость, а уныние.

Зато преисполнены оптимизма обитатели Белого дома. Послушать их, так «Америка опять встала на ноги», хотя спустя 20 лет после объявленной Линдоном Джонсоном «войны с бедностью» количество обнищавших в самой богатой стране Запада превысило 33 миллиона, только при Рейгане увеличившись почти на треть.

Дабы избавить 33 миллиона американцев от холода и голода, а нацию — от вопиющего неравенства и позора, всего-то и требуется на год заморозить ассигнования Пентагону. Но нет у правителей США такого намерения или хотя бы желания, зато сколь угодно фраз про «справедливость» и «всеобщее благоденствие».

В паре сотен ярдов от Белого дома, как перст в толпе чиновников, бизнесменов и праздных туристов, бродит по столичной Восемнадцатой стрит некто по кличке «Итон-аристократ». У него красное от стужи и ветра лицо, седая борода, вовсе не из-за моды спадающие на плечи волосы. Ни возраста, ни последнего места работы он не помнит: скитается по чужим подъездам и пустырям третий десяток лет. Прозвище же получил оттого, что ни в какую не хочет перебраться в ночлежный дом. По словам «Итона-аристократа», «настоящий мужчина всегда заработает на кусок хлеба, если не поленится попросить подаяния». Вряд ли о нем когда-либо слышали в нынешней администрации США, но в представлении президента «Итон-аристократ» — воплощение всех американских нищих. Сказал же про них Рейган, будто подобную участь они избрали... по собственному желанию.

Под стать главе Белого дома мыслят его приближенные. «Пункты по раздаче бесплатной похлебки привлекают людей потому, что там кормят даром», — изрек давний друг и сподвижник президента министр юстиции Миз. Служивший же в кабинете Рейгана министром сельского хозяйства Блок назвал нищенские столовки «великолепным символом присущей американцам взаимопомощи».

В том же духе на открытии новой столичной ночлежки выступила

министр здравоохранения Маргарет Хеклер. Ночлежка, надо заметить, так и просится в книгу Гиннеса, куда заносят все «самое-самое»: рассчитана на тысячу коек, другой такой не только в Америке — во всем мире больше не сыщешь. К ее будущим постояльцам мисс Хеклер и обратилась с выспенней речью:

— От имени и по поручению президента заявляю, что мы гордимся вами, всеми вместе и каждым в отдельности. Подобно любому американцу, вы вправе рассчитывать на уважение!

Томась в нетерпении перед входом в ночлежку, толпа среагировала мигом:

— А как насчет работы?

Праздный вопрос. Вследствие некоторого оживления в экономике безработица в США сократилась, но по-прежнему обрекает на лишения и горе миллионы людей. Даже объявленный в штате Нью-Джерси конкурс на замещение вакансии... палача привлек четыре десятка волонтеров. Среди добровольцев в душегубы — три женщины, пенсионер, выпускники средних школ. На каждого приговоренного к смерти вышло восемь желающих лишить его жизни.

...Что же до Рональда Брикера, то и его счастье было недолгим. Полученную по высочайшей протекции работу он был вынужден вскоре бросить: жалованье оказалось еще меньше пособия по безработице.

КОГДА ФЕРМЕРЫ ПЛАЧУТ

«Будь моя воля, я экспортировал бы фермеров, а их продукцию оставлял в США».

Из выступления Р. Рейгана в вашингтонском клубе «Грайдирон». Март 1985 года.

9 декабря 1985 года в поселке Хиллис, что в дюжине километров к югу от Айова-сити, произошло ЧП, какие, впрочем, в США случаются столь регулярно, что перестали считаться сенсацией. 63-летний местный фермер Дейл Берр наповал уложил из охотничьего ружья трех земляков, после чего приставил винтовку к собственной груди и нажал курок в последний раз в своей жизни.

Сообщив об этой трагедии на 3-й странице, на 20-й газета «Вашингтон пост» поместила карикатуру на злобу дня. На ней изображен представитель одного из влиятельнейших в американской столице лобби — Национальной ассоциации владельцев огнестрельного оружия, предлагающий уставить улицы американских городов автоматами вроде

тех, что торгуют сигаретами, жевательной резинкой и кока-колой. Плод фантазии толкачей смертоносной продукции выглядит и функционирует наподобие обычных механических продавцов: здоровенный стальной ящик, в прорезь которого надлежит опускать соответствующее число монет (сбоку услужливо прикреплено устройство для размена купюр), после чего нажимая нужную кнопку и получай товар. Товар зато неординарный, во всяком случае, так легко и просто американцам пока не доступный: револьверы, винтовки, пистолеты-пулеметы и столь же разнообразные, в ассортименте, боеприпасы к оным. «Дело лишь за конгрессом...», — говорит рисованный зазывала ассоциации, чью столичную штаб-квартиру украшает выбитая бронзой по мрамору надпись: «Право граждан обладать огнестрельным оружием гарантировано конституцией».

В обиходе представители ассоциации пользуются псевдонародной мудростью: «Само по себе оружие не убивает — убивают люди». О том же, что винтовки и пистолеты (особенно если их, как в США, можно приобрести даже по почте) резко повышают шанс умереть не своей смертью, проповедники свободной любви к инструментам насилия, разумеется, помалкивают.

И все же не они первопричина гибели четырех жителей штата Айова. И не ограбления ради Дейл Берр зашел в банк, где, выхватив из-под комбинезона двенадцатизарядное ружье, выпалил в банкира Джона Хьюза. С ним, а перед этим — со своим соседом-фермером Ричардом Гуди и собственной женой Эмили старожил Хиллса расправился, чисто по-американски выместив досаду на жизнь, которая пошла наперекосяк.

— Дейл был из тех, кто не обидит и мухи, — помянул убийцу-самоубийцу его земляк Кит Форбс. — Ни я, ни кто другой ни разу не слышали, чтоб он на кого накричал; у него для каждого были наготове улыбка и доброе слово...

— Не пил, не курил, сорок лет прожил в мире и согласии со своей Эмили, был образцовым прихожанином, — подтвердил другой односельчанин Берра. — Для него вся жизнь заключалась в его ферме...

Ферма досталась Берру по наследству. На ней скоротали свой век его дед и отец, сызмальства, от зари до зари не покладая рук трудился и Дейл, готовясь, в свою очередь, передать хозяйство сыну Джону. Везде поспевать, втроем со всем управляться им помогали машины и механизмы, коими была уставлена усадьба. И дом у Берров, как говорится, был полная чаша — пока на закате жизни преуспевающий фермер не погряз в долгах.

«Всего год назад Берр числился одним из самых зажиточных людей нашего графства, — откликнулась на его гибель газета «Айова-Сити пресс-ситизен». — И вдруг оказалось, что ему надо работать пуще преж-

него за две трети вчерашних доходов. А тут еще банк не принимает к оплате выписанные им чеки (Дейл кругом задолжал), не дают прохода заимодавцы, даже земляк лавочник отказывается отпускать товары в кредит. Отец и дед Берра, случалось, перебивались с хлеба на кока-колу, но выкарабкались, сохранив ферму даже в период «великой депрессии». Дейл же, выходит, стал первым в своем роду неудачником».

Неудачникам же в Америке житья нет. Тем более, по понятиям фермеров, людей сильных и гордых. Дейлу Берру, во всяком случае, идея заложить землю, продать скот и сельскохозяйственный инвентарь, чтоб рассчитаться с долгами, показалась постыло постыдной, куда более неприемлемой, нежели мысль свести счеты с жизнью. Оставив записку: «Больше не вмоготу!», он застрелил жену (ибо знал, что после всего свет и ей будет не мил), еще два патрона истратил на своих кредиторов и покончил с собой.

Нелепая и вместе с тем символичная история, причины которой понятны тысячам американцев, населяющих «фермерский пояс». Шестой год подряд над этим районом бушует торнадо экономического спада, обездоливая честных, умелых и добросовестных тружеников, разоряя семейные гнезда, разрушая десятилетиями складывавшийся уклад жизни. В 1985 году совокупный долг американских фермеров достиг 212 миллиардов долларов, так что, по прогнозу «Вашингтон пост», в следующие полтора года треть так называемых семейных ферм может быть пущена с молотка.

Многих такая участь уже постигла, что дало журналу «ЮС ньюс энд уорлд рипорт» повод писать о «самой высокой, со времен «великой депрессии», волне конфискации», захлестнувшей сельское хозяйство Соединенных Штатов.

Одна из таких каждодневных трагедий получила широкую огласку. В Спрингфилде, штат Колорадо, пустили с молотка ферму основателя Движения американских аграриев Джерри Райта. Тщетно его товарищи, собравшись на распродажу, хором зывали: «Не покупайте!» — аукционера им было не перекричать. Не помогли и продиктованные отчаянием надписи на продававшихся тракторах и комбайнах: «Украдено у именирек». Стервятников в облике скупщиков описанного имущества взяла под защиту полиция, разогнавшая демонстрацию солидарности с Райтом слезоточивым газом.

Несколько дней спустя слезы лились в другом штате «фермерского пояса» — Огайо. В тамошнем городе Лондоне, который встречает приезжих дорожными вывесками с посулами «светлого будущего», на глазах земляков лишился и будущего, и настоящего фермер в четвертом колене Даг Дейли. Под аккомпанемент аукционерского молотка навзрыд рыдала его жена, Даг же все приговаривал: «Мы всю душу вложили в свои

фермы, свято веря в принцип «по труду и честь», а нас теперь грабят средь бела дня».

«Не первый и не последний», — на манер эпитафии заметила газета «Лос-Анджелес таймс». «Мы присутствуем на похоронах сельской Америки», — добавила Джоан Бландолл.

Мисс Бландолл работает консультантом в центре психических расстройств Айовы. Дел у нее и ее коллег невпроворот, ибо житница Соединенных Штатов охвачена, как пишет местная печать, «эпидемией самоубийств». Для тех, кто дошел до точки, но еще не решился на роковой шаг, круглосуточно открыты пять телефонных линий, по которым дежурные психологи круглосуточно отговаривают кандидатов в покойники, а заодно помогают их родственникам вовремя распознать признаки надвигающейся беды. Сотрудники службы по опыту знают: чаще всего руки на себя накладывают фермеры, которым за 35, слышущие беззаветными тружениками, примерными семьянинами и набожнейшими прихожанами.

Отговорить удается не всех, да не все и звонят. Поэтому ежемесячно в Айове кончают с собой 2—3 пущенных по миру хозяина. Свою зловещую норму старуха с косой выполнила и в сентябре 1985 года: 20-го в Винтоне пустил себе пулю в сердце крупнейший в штате производитель кукурузы и соевых бобов 45-летний Гордон Гайкен, 23-го в Айове-Фоллзе выстрелом в висок подвел черту 52-летний скотовод Марвин Рид, а еще через 3 дня в Леттсе, не дотянув до среднего возраста фермеров-самоубийц, накинул на себя петлю 32-летний потомственный свиновод Стивен Микер.

Это официальная статистика жертв «эпидемии самоубийств». К ней в Айове приплюсовывают и участвовавшие несчастные случаи. «Явная инсценировка с целью не усугублять горе домочадцев позором», — убежден преподобный Дональд Мэнуоррен, которому приходится отпевать погибших при «автомобильных авариях», «пожарах», «взрывах», «несчастных случаях на охоте».

Гуляющий по прериям смерч разорения порожден стихией капитализма. Ведь судьба одарила жителей США благословенным климатом. Четвертое по численности населения государство планеты омывается приносящими драгоценную влагу Атлантическим и Тихим океанами. Северная его граница проходит по широте нашего Волгограда, а главная масса сельскохозяйственных угодий лежит южнее Баку. Практически нет такой культуры, которую американцы не могли бы у себя выращивать. И — тоже фактор немаловажный — за всю историю США ни разу их землю не топтал сапог захватчика. Тем не менее, оградив себя от капризов погоды, американские фермеры по-прежнему бессильны перед природой общества, в котором живут. Рыночная стихия национальной

экономики обернулась пучиной, поглощающей их сбережения, землю и орудия труда.

А тут еще политика администрации Рейгана, которая, по мнению Тома Харкина (сенатор-демократ от штата Айова), сознательно поворачивает крупному агробизнесу в ущерб средним и мелким хозяевам, хотя и без того две трети прибыли сельского хозяйства США достаются одному проценту фермеров. Остальные только и слышат из Белого дома: «Затяните еще туже пояса, а на нас не рассчитывайте».

Во времена «великой депрессии» банкроты выпрыгивали из окон небоскребов. Жертвы нынешнего экономического бедствия берутся за револьверы и ружья. «Нередко приходится слышать: «Погибну, но при этом кое-кого заберу с собой в могилу», — свидетельствует коллега Джон Бландолл — Дэн Ливайтас.

Дейл Берр так и поступил. До него скотоводы из Миннесоты, отец и сын Дженкинсы, заманили в ловушку и убили банкира Рудольфа Блайта, после чего Дженкинс-старший покончил с собой. В Небраске то же пытался сделать фермер Артур Керк, да погиб в перестрелке с полицией. Зная о подобных случаях, член палаты представителей США от Айовы Беркли Беделл теперь является на встречи с избирателями в поддетой под пиджак рубашке из пуленепробиваемого кевлара. Другие конгрессмены из «фермерского пояса» для подобных прогулок выбирают потише закоулок. «Боюсь!» — откровенно признался член палаты представителей от Миннесоты Вин Вебер.

...А теперь пора рассказать о невидимых миру слезах, вернее, о тех, которые Америка богаче предпочитает не замечать. Речь пойдет о самой неприглядной стороне сельского хозяйства Соединенных Штатов, где с современной техникой и передовыми методами земледелия соседствуют нравы рабовладельческого строя.

Переодевшись в лохмотья, Майкл Сэтчелл и Стив Нэглер перестали мыться и бриться. Когда они обросли бородами, а под их ногтями образовался чернозем, два вашингтонца отправились на попутных машинах на юг, в штат Северная Каролина. Сэтчелл, репортер столичного еженедельника «Пэрийд», прибег к маскировке ради подготовки очерка о наемных сельскохозяйственных рабочих, а Нэглер, глава общественной организации по оказанию юридической помощи поденщикам, вылезла ему помочь.

Под Ньютон-Гроувом оба нашли, что искали. Хозяин лагеря Эдди Браун долго к ним присматривался и даже принохивался, задал на засыпку пару вопросов и, наконец, впустил на свою территорию. Так Сэтчелл и Нэглер на время оказались в положении полутора миллионов поденных рабочих Америки.

В первую ночь они долго не смыкали глаз. Легли на голодный желудок: тем, чем кормят в лагере Брауна, брезгует даже хозяйский пес.

Да и не всякий сразу привыкнет спать на голом матраце, без подушки и одеяла, не обращая внимания на рой мух и полчища блох.

В семь утра Сэтчелл и Нэглер вместе с сорока другими поденщиками, включая малолетних ребят, вышли на уборку перца. К концу поля искатели приключений из Вашингтона держались на одном самолюбии. На чем держался работавший рядом старик, как говорится, одному богу известно. На ногах, во всяком случае, он уже не стоял, а ползал между грядок, наполняя ведро за ведром.

Вечером надсмотрщик раздал каждому заработанное. Журналисту из «Пэрейда», за вычетом семи с половиной долларов на еду, досталось 75 центов. Нэглер же еще и остался в долгу. «Формально с рабством в нашей стране покончено в 1865 году, — подытожил свой опыт репортер столичного еженедельника. — Фактически же условия работы и жизни многих скитающихся по чужим фермам ничем от рабства не отличаются».

Так жить, утверждает Сэтчелл, отказались бы даже обитатели городских трущоб. Отсутствие элементарных удобств, работа на износ, оплачиваемая, в нарушение всех американских законов, по мизернейшим расценкам, столь же противозаконный детский труд — вот будни поденщиков. Надбавок за сверхурочные им не платят, трудовое законодательство на них не распространяется. Стерегут их вооруженные надсмотрщики и свирепые псы — совсем как в тюрьмах или концлагерях. (В Вестовере, штат Мэриленд, именно концлагерь для этого и приспособили: во время войны там содержали немецких военнопленных.) Чуть что, охранники пускают в ход приклады, дубинки, велосипедные цепи, бейсбольные биты. На беглецов, как в невольничьи времена, устраивают облавы. За последние годы нескольких поденщиков забили до смерти.

По уик-эндам в беднейших районах Вашингтона, Филадельфии, Атланты, Майами появляются автобусы и грузовики. Сидящие за рулем вербовщики высматривают бездомных, опустившихся людей и зазывают их в лагеря поденщиков. Приманкой часто служат наркотики и алкоголь.

Приворотным зельем завербованных держат и в повиновении. В особом ходу спиртное по прозвищу «череполом». Качества оно неопищаемого, но стоит дороже марочных вин. Как, впрочем, и все остальное, что поденщики вынуждены покупать в лагерных лавках. Оттого-то, по выражению Сэтчелла, они и попадают в «невидимые миру оковы» рабства: сколько ни работают, все в долгу, как в шелку.

Тысячами новобранцев из числа разорившихся и потерявших работу пополняет армию поденщиков «рейганомика». Сокращение же ассигнований на социальные нужды привело к тому, что некому стало следить за соблюдением законов, хоть как-то ограждавших интересы наем-

ных сельских тружеников. Более того, администрация Рейгана произвела реформу иммиграционного законодательства, которую «Лос-Анджелес таймс» расценила как потворствующую «грубейшим нарушениям гражданских свобод».

Тем не менее Белый дом продолжает называть Соединенные Штаты «самой свободной и демократичной страной свободного мира», отчето складывается впечатление, что кое у кого в США мораль осталась на уровне тех времен, когда в Америке процветала работорговля, а кораблю, доставившему из Африки первую партию невольников, дали имя Иисуса Христа.

ДЕМОКРАТИЯ ПОД ФИГОВЫМ ДЕРЕВОМ

Окончательно глубину своего падения Чарльз Лефкофф осознал, когда, вернувшись с почты и водрузив на ложе из старого одеяла и тряпок свои давно не мытые телеса, раскрыл конверт и принялся читать письмо. «Только не подумайте, будто мы бесчувственны к вашим экономическим обстоятельствам,— говорилось в отпечатанном на стандартном бланке извещении после столь же стандартного «Уважаемый мистер Лефкофф». — Тем не менее регистрировать лиц без постоянного места жительства мы не можем». И подпись: Джо Бакстер, уполномоченный избирательной комиссии Вашингтона.

До той поры сын «общества равных возможностей» и впрямь ощущал себя таковым, хоть давно уже жил на тротуаре Си-стрит под окнами штаб-квартиры организации «Дочери американской революции»: даже оказавшись на «дне» главного и к тому же самого богатого, в пересчете на среднестатистическую душу, города США, Лефкофф гордился личной свободой. Пусть и единственное его достояние, но какое!.. А выходит — свобода-то с ущербом, не может «уважаемый мистер Лефкофф» осуществить свое конституционное право голоса, и судьба очередных президентских выборов будет решена без него. И все оттого только, что домашний адрес ему заменяет почтовое «до востребования».

Пригорюнился Чарльз Лефкофф, и даже теплый воздух из лужа — вентиляционной решетки показался ему студеной полярного. Нет, решил он по недолгом размышлении, не может такого быть, напугал небось уполномоченный! Повеселев, сосед «Дочерей американской революции» отправился в избирательную комиссию, теща себя надеждой поправить крючкотвора и, восстановив справедливость, успеть к ежевечернему распределению жилплощади-решеток.

Увы, в тот день фортуна Лефкоффу изменила: Джон Бакстер подтвердил, что действовал по закону.

— Обретите кров над головой, тогда и милости просим в кабину голосования, — вразумил он бездомного.

— Да где же мне взять денег на аренду жилья?

— Кто ищет, тот обрящет. Нет денег — переберитесь в ночлежку.

Лефкофф и рад бы последовать чиновничьему совету, да где там: столичные ночлежки вмещают всего полторы тысячи человек, а нужно всемеро больше — под небом Вашингтона лежат в обнимку с Морфеем 10 тысяч вольных, как ветер, душ.

И тут вдруг Лефкоффа осенило: 10 тысяч на 650 тысяч населения — не так уж и мало, на миру и поражение в избирательных правах не страшно.

С этой успокоительной мыслью мой невыдуманный герой завершил свой поход по демократию.

«Известия»

16 апреля 1984 года.

* *
*

Незадолго до президентских выборов 1984 года почтальонам ряда городов США стали попадаться конверты, на которых значилось: «Такому-то, скамейка такого-то парка». Или: «Мистеру (миссис) имярек, церковная паперть там-то». В качестве адресов, по которым надлежало доставить подобные отправления, указывались также «вентиляционная решетка», «свод речного моста», «опора путепровода»...

Заокеанские письмоносцы — люди ушлые и исполнительные — задавать вопросов не стали, к нововведению отнеслись с пониманием. Это, смекнули они, не ошибка и не причуда, а американская демократия в действии. Наконец-то и отдельные бездомные граждане Соединенных Штатов получают право участвовать в выборах! Прежде ведь было как? Постоянного адреса не имеешь — на учет избирательными комиссиями не принимаешься и, стало быть, к голосованию не допускаешься. Зато теперь — никаких проблем!

Новое, однако, пробивает себе дорогу с трудом. Прослышав о расширении избирательных прав на себе подобных, вздумали к демократии приобщиться и бездомные Санта-Барбары. В качестве требуемого адреса подзаборные жители этого калифорнийского города, в чьих окрестностях на своем ранчо проводит досуг глава Белого дома, выбрали огромную смоковницу, растущую в центральном парке. Не тут-то было: на пути прогресса грудью встал городской голова, заодно внесший

законопроект, по которому утоление голода отбросами из мусорных ящиков впредь, во имя соблюдения гигиены, будет строго караться. А в канун рождества на обездоленных людей, по привычке собравшихся все под тем же фиговым деревом, устроили облаву. Полицейские кого прогнали, кого увезли в каталажку и в довершение конфисковали 4 рождественские елки, коими их жертвы рассчитывали скрасить свой невеселый праздник. «Елки,— издевательски заявил полицеймейстер,— портят вид засаженного смоковницами парка».

В этом смысле стражи закона в американской столице великодушней — сквозь пальцы посмотрели на елку, которую тамошние бездомные купили в складчину на подавания и водрузили в сквере на пересечении Вирджиния-авеню с И-стрит. Под елкой, как полагается, сложили подарки: пожертвованные доброхотами свертки с едой и обносками. Есть и подобие традиционного камелька — вентиляционная решетка метро, у которой греются не имеющие крова. «Наш дом», — без тени пафоса или иронии пояснил за всех 49-летний Реймонд, переселившийся в сквер после того, как его профсоюз авиадиспетчеров разогнали в соответствии с президентским указом.

Рождество Реймонд провел в компании тысячи сотоварищей по невзгодам, допущенных в вестибюль министерства здравоохранения и социальных служб (само министерство в тот день не работало). Там их обласкали, согрели, накормили и даже потешили небольшим концертом. Все — за счет частных пожертвований да доброй воли благотворительных организаций. Но по нынешним вашингтонским временам и предоставление нищим казенного помещения — неслыханное благодеяние властей предрежущих. Поэтому глава министерства Маргарет Хеклер снизошла к бездомным с верхнего этажа, по-хозяйски сняла с чужого угощения пробу и к месту напомнила одну из библейских легенд:

— Сам Христос появился на свет в хлеву, ибо богоматерь на постылый двор не пустили...

Совсем иначе христианство толкует Тревор Феррелл — может, оттого, что ему еще нет и 15-ти. Увидев как-то телепередачу про бесприютных горемык, малолетний житель Филадельфии взял под мышку подушку и одеяло, вышел на улицу и отдал ношу первому встречному нищему. (Далеко идти не пришлось: таких в Филадельфии десятки тысяч.)

С тех пор Тревор каждый вечер обходит окрестные подворотни, скверы и прочие пристанища бездомных, согревая их кофе и бутербродами, а то и просто добрым словом, и раздавая теплые вещи. Недавно подросток добился, чтобы часть его новых друзей поселили в одном из заброшенных зданий. Водопровод в «Доме Тревора» не работает, отсутствуют и другие удобства, но зато там тепло. По крайней мере от холода обездоленные теперь не погибнут.

Своим подвижничеством мальчуган снискал прозвище «святой покровитель трущоб», похвальное письмо президента и назойливое внимание прессы. Про него собираются снять телефильм, выпустить книгу. Родители сперва Тревором гордились, но сейчас ропщут: увлечение сына очень накладно. Ведь, несмотря на шумиху, помощь бездомным Ферреллы по-прежнему оплачивают из своего кармана. Филадельфия, в переводе с греческого, — «город братской любви», но мало кто воспринимает это буквально.

ТОМ СОЙЕР С КОНСТИТЮШН-АВЕНЮ

В Лафайет-сквере, что напротив Белого дома, насмерть замерз еще один американский бездомный. Погибший, Джесси Карпентер, был ветераном двух войн. В первой — против фашистской Германии он служил рядовым и за мужество, проявленное при оказании помощи раненым товарищам по оружию, был награжден «Бронзовой звездой».

Вернувшись с фронта, Карпентер вскоре попал на свою вторую войну — ту, что в здешнем обществе длится вечно и которую президент Джонсон окрестил войной с бедностью, а администрация Рейгана превратила в войну против бедняков. И здесь отважный участник всемирной битвы с нацизмом был рядовым — одним из многих миллионов обездоленных. И вновь он был образцом верности, идеалом человеколюбия. 22 года живя на улице, Карпентер, как мог, старался помочь себе подсобным, следовал принципу «сам погибай — товарища выручай». Холодная смерть его настигла, когда он пытался спасти беспомощного и бездомного инвалида. Так участник великой победы над гитлеризмом стал очередной жертвой войны не на жизнь, а на смерть, которую «общество всеобщего благоденствия» ведет против своих отверженных сынов и дочерей.

«Известия»

28 декабря 1984 года.

* *
*

Новый год в Соединенных Штатах — праздник семейный, справляемый в узком кругу родных и близких. Строго блюдет сей обычай и президент Рейган. Каждый год в конце декабря он покидает свою резиденцию, на самолете ВВС с номером один на борту пересекает страну и приземляется в ставшей ему второй родиной Калифорнии. Там он пе-

ресаживается в вертолет и после недолгого путешествия опускается в поместье своего закадычного друга, газетно-журнального магната Уолтера Анненберга. К тому на новогодние пиршества бывают званы и другие знаменитости, похожие друг на друга тем, что у каждого на банковском счету, в акциях и недвижимости несметное богатство. Это-то их и роднит, объединяя в одну семью — семью миллионеров.

Случаются, однако, в Америке и исключения из правила встречать смену лет у домашнего очага. Самое известное из таких исключений — тоже, кстати, обретшее статус традиции, только для граждан званием попроще — отмечать Новый год на прогалине каменных джунглей Нью-Йорка, именуемой Таймс-сквером. В обычные вечера эту площадь-пятачок, зажатую бетонными зданиями, посещают лишь простак-туристы да любители приключений. Люди бывалые, дорожащие жизнью и кошельком, обходят это место стороной даже днем. Ведь если Нью-Йорк — столица американской преступности, то Таймс-сквер — ее эпицентр.

Тем не менее раз в год, за час-полтора до того, как наступит первое января, Таймс-сквер заполняют, презрев осторожность и страх, тысячи жителей и гостей самого крупного города США. В толпе много ряженых, у многих в руках, кроме воздушных шаров и цветов, бутылки с зельем различной крепости. В эту пору и в этом месте капля в море 235-миллионного населения Соединенных Штатов вдруг превращается из закоренелых индивидуалистов в единую семью, и их веселье, оседлав телеволны, разбегается из Нью-Йорка во все города и веси страны.

Есть и другие точки на карте США — почитай, в любом крупном населенном пункте, — где Новый год совместно встречают многочисленные толпы людей. Туда, однако, заокеанские телеоператоры почти не заглядывают, редкий гость таких мест и газетный репортер.

...Несколько лет назад мой знакомый драматург из Чикаго Бернард Сабат сочинил пьесу, которая под названием «Автомобиль на веранде» сейчас идет и в советских театрах. У пьесы оригинальный сюжет: ее автор попробовал вообразить, что случилось со знакомыми всему миру твеновскими персонажами — Томом Сойером и Геком Финном на закате их жизни. Грустная, даже тяжелая получилась история. Ни тот, ни другой счастья не обрели, старость встретили одинокими, никому не нужными людьми.

Впрочем, то плод фантазии литератора. А вот невыдуманная сценка из американской действительности, главным персонажем которой стал настоящий Том Сойер. Ее очевидцем я стал в канун Нового, 1986 года, через 3 недели после того, как тезке и однофамильцу парнишки, которого обессмертил Марк Твен, исполнилось 80 лет.

Том Сойер-третий обретается в самом центре столицы США — на Конституишн-авеню. Во дни торжеств по ней дефилируют парады

и кортежи, по выходным гуляют местные и приезжие, а в будни снуют чиновники правительственных учреждений. Одно из таких ведомств — министерство юстиции фасадом выходит как раз на пристанище 80-летнего старика: клочок тротуара с вентиляционной решеткой. На ней Том Сойер и возлежит в поношенном женском пальто, замызанной вязаной шапочке и натянутом до пояса виниловом мешке, в какие американцы складывают отбросы.

К рождеству — его в США отмечают за неделю до 1 января, считая главным праздником года — престарелый негр получил в подарок обнову: теплые рукавицы. Вместе с куриной ножкой, куском вареной говядины и ломтиком торта их ему преподнес какой-то доброхот. Рождество — дата из церковного календаря, а американцы почти сплошь верующие, поэтому даже самые скряги из заокеанских скряг считают своим долгом раз в году, 25 декабря, чем-нибудь облагодетельствовать ближних.

В 10 минутах ходьбы от министерства юстиции, с южной стороны Белого дома к Конститушн-авеню примыкает огромное поле под названием Эллипс. Туда каждый вечер Том Сойер перебирается ночевать, толкая перед собой выпрошенную в одном из супермаркетов коляску с пожитками. Деревьев или чего-либо еще, что могло бы сойти за кров над головой, на Эллипсе нет, не густо там и вентиляционных решеток, сквозь которые из-под земли дует нагретый воздух, но ежели не зевать, теплое местечко всегда отыщется. Тогда Том Сойер чувствует себя на седьмом небе, по-детски радуясь соседству с главной в Америке рождественской елкой, установленной на Эллипсе так, чтоб ее было видно из спальных покоев Белого дома: «Приятно засыпать, глядя на праздничную иллюминацию!»

Сбоку от елки каждый год по традиции размещают наглядные пособия на библейские темы. Главное из них изображает сцену в хлеву, где, по преданию, богоматерь разрешилась от бремени, ибо роды застали ее в пути, а на ближайшем постоялом дворе не оказалось вакансий.

«Мест на постоялом дворе нет и поныне», — гласит надпись на постаменте бронзового памятника, который установили на Эллипсе под описываемое новогоднее празднество. Скульптура имитирует канонический сюжет рождества, но выполнена в подчеркнуто реалистической манере: современного облика мать и отец склонились над новорожденным сыном. Их фигуры водружены на служащую пьедесталом вентиляционную решетку. Вместе с еще одной надписью: «Слаборазвитая Америка», — все это символизирует участь миллионов граждан наиболее промышленно развитой страны Запада, которые лишены самого элементарного человеческого права — права на жилье.

Символику памятника, изготовленного по заказу вашингтонской организации «Общественность за созидательное ненасилие», еще больше

усилило решение Вашингтонских властей запретить его установку рядом с елкой. В результате бронзовое изваяние очутилось на отшибе, за заборчиком, которым огородили рождественскую композицию. «Даже тут для нас не нашлось места», — в сердцах заметил Митч Снайдер.

Снайдер — один из руководителей «Общественности за созидательное ненасилие», не раз обрекавший себя на добровольные, по месяцу-полтора голодовки в знак солидарности с обездоленными соотечественниками. Последний свой пост, длившийся 51 день, он объявил той же осенью, потребовав выделить деньги на ремонт центральной столичной ночлежки. Казалось, действовало: опасаясь скандала (Снайдер уже был одной ногой в могиле), Белый дом пообещал раскошелиться и превратить донельзя запущенное помещение в «образцовый приют». Что из этого вышло на деле, я увидел, посетив ночлежку наутро после того, как в Вашингтоне смолкли рождественские колокола и гимны.

Массивное, в целый квартал четырехэтажное здание расположено на пересечении Второй и Ди-стрит. Напротив — корпуса министерства труда и городского суда, за которыми, только Конститушн-авеню перейти, высится громада Капитолия. Вход без вывески, и о том, что это приют для бездомных, догадываешься по разбредающим из него оборванцам. Дверь — вставленный в стальную раму обрзок фанеры — без ручки, хоть отворяется наружу, поэтому приходится ждать, пока кто-либо из постояльцев не выйдет на улицу.

Внутри — грязный, полутемный вестибюльчик с убогого вида рождественской елкой. Гомон, шарканье и топот десятков ног, чьи-то крики и хохот, от которого становится не по себе, запах немывтых тел, сушащейся одежды, спиртного. Сподвижник Снайдера — средних лет негр Брайан Эндрюс ведет на второй этаж, который выделен бездомным мужчинам. Впечатление такое, будто в здании рванула граната. Стены и потолки разворочены, во многих окнах вместо стекол — виниловая пленка. Тонюсенькими перегородками и простынями этаж поделен на закутки и палаты на 40—50 раскладушек. Ни полок, ни шкафов нет, так что свой скудный скарб постояльцы подвешивают к лампам и трубам отопления.

— Под рождество ударили морозы, поэтому приют переполнен, — на ходу рассказывает Эндрюс. — Читали про пару бездомных, которые на днях погибли от стужи в самом центре города? Сейчас к нам просятся даже те, кто ни за какие коврижки не променял бы свою подворотню на эту дыру. Набилось почти 900 человек, и все равно тысячи других спят на улице: ночлежка не резиновая.

— Рядом конгресс, недалеко Белый дом — не заходят оттуда к вам полюбопытствовать?

— У них дела поважнее, вроде подготовки к «звездным войнам», — невесело усмехается мой провожатый. — Впрочем, лучше б они

сюда и не совались. Надули с обещанием дать денег на ремонт, да еще грозят перевести приют в Анакотию...

Один заокеанский писатель как-то назвал Вашингтон городом, где «американская мечта и американский кошмар то и дело сталкиваются нос к носу, но делают вид, будто друг друга не замечают». Из Анакоти — юго-восточной окраины Вашингтона — открывается едва ли не лучшая панорама окрестностей. Тем не менее чужаки, особенно белые, стараются объезжать Анакотию стороной: там, за Потомаком, в тени Капитолия, расположено гетто для черных. Лишь по неведению житель другой части города сядет в автобус, маршрут которого проходит через это скопище трущоб, где полно безработных, опустившихся и отчаявшихся людей, кому автобус подчас — «отель на колесах», а то и место добычи чужих денег. Даже многие жители самой Анакоти, чтобы не рисковать, ведут затворнический образ жизни, в другие районы выбирают по крайней мере.

Для таких сущим спасением стало бы метро. Оно в американской столице существует второй десяток лет. Строительство вашингтонской подземки ведет фирма «Бечтел», известная не только причастностью к крупнейшим проектам на родине и за рубежом, но и тем, что два ее представителя: Шульц и Уайнбергер, — занимают в администрации Рейгана ключевые посты руководителей внешнеполитического и военного ведомств.

Жителям Вашингтона и его предместий услуги «Бечтел» обошлись уже в 12 с лишним миллиардов долларов. За это те, кто пользуется «сабвеем», при каждой поездке расплачиваются как минимум 80 центами (стоимость пользования американским метро прямо пропорциональна протяженности маршрута). Недешево — и небезопасно. Хваленая заокеанская техника частенько отказывает, порой приводя к трагедиям.

Тем не менее вашингтонцы своим «сабвеем» гордятся. И впрямь, нью-йоркскому, по прозвищу «ад наяву», он не чета. Учтя опыт предшественников и особенности американского быта, строители столичной подземки сделали все от них зависящее, чтоб обезопасить пассажиров от грабителей и убийц. Слово под копирку сооруженные станции не имеют колонн и закоулков; поезда составлены так, что просматриваются насквозь из головы в хвост.

Словом, как и везде, вашингтонский метрополитен задуман как самый удобный и общедоступный способ транспортировки горожан. На первый взгляд так оно есть и на деле. «Синяя», «оранжевая» и «красная» линии столичного «сабвея», вырвавшись за городскую черту, вплотную подступили к кольцевой автостраде, а «желтая» пересекла и ее. Проложены рельсы к пригородам столицы — Роквиллу и Уитону, люди «Бечтел» появились и в ряде других предместий. И лишь в Анакоти метростроителей нет и в помине, хотя собираются — на словах — проложить

туда линию вот уже более 15 лет. Известно и название запланированной линии — «зеленая», но ей горит красный свет.

Первоначально предполагалось, что «зеленый» маршрут, хоть и позже других, но к 1993 году соорудят. Потом начались нескончаемые споры: где и как — под землей либо на поверхности — класть рельсы, сколько и куда переселять местных жителей, строить ли маршрут целиком или без ветки, ведущей в не менее бедствующий северо-восточный район... Сроки строительства все отодвигались, и все громче стало высказываться мнение, что подлинный шлагбаум на пути «зеленой» линии — расизм.

В начале 1984 года администрация Рейгана положила этим пересудам конец, объявив о существенном урезании ассигнований на расширение столичного «сабвея». Под сокращение попал и «зеленый» маршрут, так что жителям Анакостии и впредь суждено, не доехав из центра до дома, слышать фразу: «Просьба освободить вагоны — поезд дальше не идет».

Вот почему Снайдер и его единомышленники в решении властей перевести столичную ночлежку в Анакотию усмотрели аналогию с поговоркой: «С глаз долой — из сердца вон».

...В середине 60-х годов тогдашний президент США Джонсон ввел в оборот термин «великое общество». По давней традиции каждый, кто вселяется в Белый дом, считает долгом провозгласить на период своего правления какой-нибудь броский лозунг, вот Джонсон и посулил согражданам всеобщее благоденствие при одновременном искоренении застарелых недугов Америки: расизма, массовой безработицы, нищеты.

Вскоре, однако, и сам 36-й президент Соединенных Штатов смекнул, что выдвинутая им цель нереальна. При Рейгане же, по замечанию журнала «Ньюсуик», лозунг Джонсона при прежнем звучании обрел новое написание и, главное, новый смысл: «общество на решетках». Дело в том, что в английском «великий» и «решетка» — слова-омонимы: звучат одинаково («грейт»), но пишутся слегка по-разному. Решетки, которые имел в виду «Ньюсуик», — вентиляционные, те самые, что зимой сохраняют жизнь тысячам изгоев «великого общества». Остается добавить, со ссылкой на тот же журнал, что при администрации Рейгана американцам до реализации идеи «великого общества» столь же далеко, как при Джонсоне, зато до небывалых размеров выросло число невольных членов «общества на решетках».

ПОСЛЕ ДОЖДИЧКА В ЧЕТВЕРГ

Ежедневно в столице кичащегося своим богатством и демократией государства насильственно выселяют как минимум 30 семей бедняков. Более того, с середины июня число вышвыриваемых на улицу в Вашин-

гтоне удвоилось. Неделю назад здешняя Фемида побила собственный рекорд жестокосердия, за один день выдав 194 ордера на выселение. Между тем лишившихся крова вашингтонцев ждет еще более незавидная в сравнении с прежними временами доля. На немногих приютах для бездомных семей висят таблички «Мест нет», закрылось пристанище для выселяемых на Четвертой-стрит, а очереди на получение дешевого муниципального жилья надо ждать лет десять, если не дольше. Здешние же власти вопреки прошлогодним посулам отказались выделить средства на переоборудование одного из общественных зданий под ночлежку для обездоленных.

«Известия»

26 июля 1985 года.

* *
*

В то воскресенье тысячи людей в американской столице вслушивались в прогнозы погоды с особым вниманием. Фраза: «В понедельник с утра ожидается дождь» — была им манной небесной, а природа и метеорологи — источником последней надежды: чем дольше прольются весенние ливни, тем больше шансов на то, что, глядишь, и выйдет поблажка, не вышвырнут их вместе с пожитками на тротуар... Увы, три дня спустя надежда приказала долго жить. К вечеру в среду небо над Вашингтоном прояснилось, и, вопреки поговорке, после дождичка в четверг свершилось то, что неотвратно должно было свершиться: начались массовые выселения бедняков, задолжавших квартплату.

Как утверждают, подобной драмы такого масштаба в США еще не случалось. Весна в Америке — пора сорвавшихся с цепи стихий: там над страной пронесутся ураганы и смерчи, здесь набухшие льдами и снегом реки затопят тысячи акров земли; поэтому что ни день телевидение и газеты сообщают о пострадавших и лишившихся крова. Вашингтон же весной 1984 года пережил катастрофу иного рода. На несколько тысяч жителей американской столицы ее обрушили не силы природы, а законы капитализма. В описываемый четверг в 8.30 утра слуги этих законов, опережаемые молвой: «Идут!» — появились в восточной части Вашингтона, которая для леди и джентльменов из пригородных коттеджей и вилл как бы не существует. Поскольку выселению подлежали две с половиной тысячи семей, штат судебных исполнителей удвоили (но и при этом сдаваемое внаем жилье очистили от неплательщиков лишь полгода спустя).

Судебный исполнитель в США именуется «маршалом», хотя лица

столь громкого звания — рядовые армии правопорядка. На «дело» они выезжают в пуленепробиваемых жилетах, с заряженными револьверами и карабинами: таковы правила. По инструкции, разбившись попарно, «маршалы» должны громко постучать в дверь выселяемых и зычно назваться. Стоять при этом надлежит по бокам входного проема — иначе неровен час можешь схлопотать пулю, выпущенную в порыве отчаяния. Дверь зачастую отпирают отмычкой, а то и взламывают.

Проникнув внутрь помещения, стражи закона первым делом обязаны, все по той же инструкции, обыскать все закоулки и заглянуть под матрацы — нет ли оружия (к таковому причисляют и кухонные ножи). После этого настает черед нанятых домовладельцем грузчиков — готовых на все безработных. Те запихивают скарб в картонные коробки и волокут на улицу. Через 30—40 минут очередная семья со своим жалким имуществом оказывается на обочине, сквозь слезы взирая на то, как в дверь их бывшей квартиры врзают новый замок.

В Америке очутиться в таком положении — значит вступить на дорогу, ведущую на самое «дно». Правда, выселенным, если их не приютят родственники или друзья, дают временный кров за государственный счет. Но уже вскоре взрослые возвращаются на тротуар, лишившись и пристанища, и детей: тех забирают в сиротские приюты. Немудрено, что кое-кто из отчаявшихся порой теряет голову и, тщась уберечься от надвигающегося бездоля, хватается за оружие. При таких обстоятельствах в 1983 году застрелил «маршала» и сам был застрелен молодой глава семьи — негр. После выяснилось, что он задолжал домовладельцу... 16 центов (еще 100 долларов долга за ним числилось по ошибке).

В злополучный четверг подняла было бунт и 46-летняя Мелисса Нельсон. Она встала на пороге своего жилища с кухонным ножом в одной руке и с ковшом кипятка — в другой. Но осада длилась недолго. Полдюжины «маршалов» и грузчиков кликнули на помощь полицию, и допотопная оборона разъяренной женщины была в два счета подавлена архимодерным арсеналом заокеанских карателей: нервнопарализующим газом и тазерами (ружья, стреляющие дротиками с мощным электрорядом).

Не сразу сдалась и Джаннетт Хукс. После ожесточенного сопротивления ее вышвырнули на улицу по требованию лендлорда в лице родного брата, что дало газете «Вашингтон пост» повод заметить: брат идет на сестру. В остальном же, по мнению шеф-«маршала» Роджера Рея, операция «Выселение» прошла «нормально»: револьверно-ружейный лай не превысил обычного вашингтонского уровня, в городе прибавилось лишь рыданий да слез.

Некоторые выселяемые и вовсе вели себя стоически. Например, Бетти Букер, лишившаяся крова вместе с восемью детьми, девятью внуками и котом по кличке «Кот». Не старая еще негритянка к такому про-

сто привыкла: за предыдущие 9 лет ее уже трижды выбрасывали на тротуар. Возмутило Бетти разве лишь то, что последний домовладелец отказался дать и минимальную отсрочку, потребовав непомерной платы за аварийное помещение, где Букеры спасались от крыс благодаря «Коту».

— Не я хозяину, а он мне должен платить за такую дыру,— сказала сбежавшимся репортерам Бетти.— Крыша течет, потолок в кухне обвалился, дверь в подъезде вот-вот соскочит с петель, двор завален отходами...

И все же, сколь миссис Букер ни привычна к подобным невзгодам, будущее страшит и ее. Столица США полнится слухами о том, что впредь лендлорды получат право отказывать в жилье таким, как Бетти, квартиросъемщикам, живущим на общественное подаяние. Очереди же на муниципальные квартиры Букеры ждут одиннадцатый год. Кроме них, в Вашингтоне еще 10 тысяч таких страждущих.

К выселяемым в Америке проявляют своеобразное милосердие: если с вечера обещают дождь, наутро операция переносится. Не мокнуть же вышвырнутому на обочину скарбу! (Типичный «гуманизм» заокеанского общества, где вещи ценнее людей.) Других поводов для отсрочки нет. Ни дети, ни больные «маршалам» не помеха. У них и на эти случаи исчерпывающие указания. Не окажись к их приходу ответственного квартиросъемщика, они отсылают немощных в госпиталь, малолеток — в приют, домашних животных — на живодерню.

Глух к несчастью сограждан и Белый дом. Тщетно зывал к христианским чувствам его обитателей преподобный Джон Стайнбрук, возглавляющий городскую комиссию по делам бездомных и просивший президента приостановить выселения хотя бы на время пасхальных празднеств. «В нашем обществе не признают философию спасательных шлюпок», — горько заметил священнослужитель, получив отказ. И это в то время, как первая леди Америки повезла в Китай 9 тысяч долларов на подкорм тамошних панд: в Белом доме сочли, что бамбуковые медведи изголодались.

Из Вашингтона до Пекина по воздуху — примерно 12 тысяч километров. В дюжине же кварталов от Белого дома, в районе, который за грязь и нищету прозван вашингтонским Бронксом, на углу Четвертой и Оу-стрит стоит здание бывшей школы. В нем давно не звенит школьный звонок, традиционный флагшток, что уперся в фасад, в пятнах ржавчины. Здесь, в наскоро прибранных помещениях, и разместили на первое время часть выселенных. Заведует общежитием средних лет негр, с виду сердобольный, умеющий обласкавать и утешить.

— Семей сто приятим, — вышел он поговорить со мной. — Не так уж и мало, если учесть, что городские ночлежки переполнены еще с зимы. — Увы, через год пришлось освободить помещение и держателям этого приюта...

Подавляющее большинство тех, кому в те дни наносили визиты вашингтонские «маршалы», — представители негритянского населения. Массовые выселения — один из способов сократить численность черных в крупных городах США. С той же целью в значительно больших масштабах применяют не столь бросающийся в глаза метод — вытеснить негритянскую бедноту путем застройки исконно «черных» районов комфортабельными жилыми зданиями, которые сдаются в аренду по недопустимым для простолюдinов расценкам.

Этой уловке строительных подрядчиков и городских властей дали название «джентрификация» (производное от «джентри» или, по-русски, «знать»). Облик городов за счет «джентрификации» облагораживается, зато бедняки вынуждены еще теснее жаться в трущобах, искать кров в других, не захлестнутых этим нововведением городах, а то и пополнять ряды бездомных.

В центре американской столицы на глазах растут здания в стиле «модерн», отодвигая все дальше на восток, север и юг черту оседлости черных. (Запад как был вотчиной толстосумов, так и остался.) Под шум бульдозеров, бетономешалок и машин для забивки свай происходит отвоевание города белыми. В считанные последние годы доля негритянского населения Вашингтона упала с 75 до 65 процентов.

Хотя «джентрификация» совершается в строгом соответствии с законами капитализма, обычно сей процесс осуществляется втихомолку, подается его жертвам на манер стихийного бедствия и будто в издевку связывается со словом «свобода» (в сочетании со словом «предпринимательство»). В Лос-Анджелесе же решили покончить и с такими условностями. Муниципалитет самого крупного города на западе США в открытую разрешил местным домовладельцам выселить 3 тысячи бедняков, дабы на месте их жилищ возвести хоромы для богачей. В знак особого расположения к спекулянтам недвижимостью отцы города пообещали финансировать их труды по замене плетев патрициями, дав займы 40 миллионов долларов. При этом долина Сан-Фернандо, откуда гонят простонародье, станет своеобразным полигоном. Если номер пройдет, опыт принудительного выселения бедняков распространят и на другие районы Лос-Анджелеса. Перестраиваемый же район будет выглядеть заповедником белых даже внешне. Его обнесут оградой, въезды превратят в заставы, а чтобы «нежелательные элементы» не проникли на запретную территорию даже под видом арендаторов жилья, домовладельцам дано право подбирать жильцов по своему усмотрению.

На противоположном краю США — в Нью-Йорке группа домовладельцев, вздумав избавиться от малоимущих клиентов, наняла шайку уголовников, наркоманов и проституток, которые принялись терроризировать жителей одного из беднейших районов. Погромщикам предоставили под их «малины» бесplatные квартиры, и те «на досуге» грабили и избивали соседей, чередовали пожары с потопами, умышленно доводили здания до нежилого состояния. Войдя во вкус, главарь банды от-

крыл подпольное бюро подобных «услуг», берясь за 100 тысяч долларов освободить от жильцов любой доходный дом. Наниматели не остались внакладе. Отремонтировав здание либо выстроив на его месте новое, они впускали богатых квартиросъемщиков, согласных платить втрое-вчетверо больше.

Насчет же «философии спасательных шлюпок» Джон Стайнбрук не прав. В США ее признают и даже применяют. Правда, выборочно. К примеру, министр юстиции Эдвин Миз на 15 месяцев просрочил выплату заданных по двум купленным в рассрочку особнякам. По правилам, он должен был лишиться и коттеджей, и внесенных ранее сумм, но выручили друзья-банкиры. Они не только простили ему недоимку, но и презентовали недоплаченные 70 тысяч долларов. Эту вычитанную в газетах историю вспомнила Бетти Букер, восседая на сваленных на тротуаре пожитках.

ИЗНАНКА «АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ»

Гримеры американского общества придумали новый способ приуменьшить язвы капитализма. Частным предпринимателям рассылаются 19-страничные рекомендации о том, как без лишних хлопот увольнять наемных служащих. Подсчитано, что ежегодно расстаются с работой 28 миллионов американцев. Проблема, стало быть, национального масштаба, к тому же сопряженная с нервоотрепкой, а то и драмами. Вот и появилась на свет инструкция для вышибал под названием «Как расстаться по-доброму».

Оказывается, увольнять сподручней всего по понедельникам или вторникам, желательно с утра. Неприятный разговор лучше вести с глазу на глаз. Споры с рассчитываемыми не затевать, выпроваживать их быстро, но «гуманно», подслащивая пилюлю парой вежливых фраз («Приятно было иметь с вами дело» и т.п.) А чтоб выживаемый за ворота не строил иллюзий, к устному приговору следует приовокуплять письменный. Чинно и благородно...

«Известия»

16 октября 1984 года.

* *
*

Житель Балтимора Джо Смит видится с женой и детьми тайком, чтоб не попасться на глаза посторонним. Смитам-младшим строго-настрого наказано молчать про то, что они украдкой встречаются с отцом, а миссис Смит старательно играет роль вдовы при живом муже.

Официально Джо Смит в бегах от семьи. Но он не вертопрах и не лиходея. Наоборот, каждый цент, что ему случается заработать, Смит передает иждивенцам. Собственный же дом он вынужден обходить стороной, дабы не лишить самых дорогих ему людей скудного, но единственно надежного источника существования — пособия, выплачиваемого департаментом социального страхования.

Подобно многим американцам его круга, Джо Смит попал в заколдованный круг. Ураганной силы волна увольнений, что прокатилась по Соединенным Штатам, не пощадила и его, хоть он дипломированный специалист. Устроиться вновь на работу — не важно какую, лишь бы ученную биржей труда — он давно отчаялся: в том районе Балтимора, где живут Смиты, безработица (фактическая, а не приукрашенная казуистами из статистического бюро) превышает 80 процентов. Срок выплаты пособия по безработице истек, и глава семьи Смитов оказался в ситуации, которую здешний люд называет термином из популярного сатирического романа «Кетч-22», равнозначным нашей поговорке «куда ни кинь, всюду клин».

Работы для Джо Смита, повторяю, нет. Тем не менее в кондуитах местного бюро учета трудоспособного населения он по-прежнему числится потенциальным кормильцем. Раз так, то дабы получать вспомоществование, он должен доказать, что его семья осталась без нитки, либо бросить оную.

Порог, за которым начинается нищета, принятыми при Рейгане законами опущен ниже официальной отметки прожиточного минимума. Сделано это с умыслом: чтобы сей порог перешагнуть и таким образом попасть под крыло системы социального попечения, надо избавиться от всего, что каждый американец наживает годами, а то и десятилетиями неустанного труда. По правилам, претенденту на общественное вспомоществование не полагается иметь собственный коттедж, банковский вклад, автомобиль (если только это не развалюха, коей давно место на свалке) и прочие ценности. А ведь все это — главные компоненты «американской мечты», которой грезит любой уважающий себя член здешнего общества. Конечно, мечтой можно и не поступаться, но сыт ею не будешь. Вот и остается тому, кто сперва лишился работы, а потом пособия по безработице, спускать нажитое. Тяжелее всего расстаться с домом — и потому, что купленное втридорога в рассрочку приходится продавать за бесценок, и, главное, оттого, что собственное жилье для здешних граждан — словно якорь, помогающий выстоять в бурю.

Словом, бросить семью Джо Смита вынудили обстоятельства. Перед этим несколько недель подряд он приходил в бюро по найму — не потому, что еще надеялся на удачу, а затем, чтобы излить душу работавшему там другу: впав в отчаяние, Смит поговаривал о самоубийстве,

и приятель его утешал. В конце концов угодившего в безвыходную ситуацию человека осенило, и он, обо всем договорившись с женой, исчез из дома.

С тех пор Смит живет бобылем, ночует где попало и пробавляется случайными заработками: там найдется разгрузать автофургон, здесь подрядится мыть полы или посуду. Платят вдвое-втрое меньше положенного (работодатели уверены в безнаказанности: не донесет же поденщик на себя самого!), к тому же работать приходится в вечном страхе разоблачения. Если чего доброго такое произойдет, семью Смита снимут с общественного довольствия...

О злоключениях Джо Смита мне рассказали в балтиморской общественной организации, куда приходят за советом и помощью обездоленные. В этой истории вымысел — только имя: с меня взяли слово не подводить и без того несчастного человека. Поскольку же подобных случаев в сегодняшней Америке тысячи, я использовал самые распространенные в английском языке имя и фамилию.

А поведали эту историю четыре женщины, которые сами живут на пособие. У каждой дети, мужей нет (то ли разведены, то ли, ради вспомоществования, разлучены — допытываться после услышанного о Смите я не стал). Работать бы рады, да мешает все тот же заколдованный круг. Хоть газеты и полны объявлений о найме, требуются лишь специалисты высокой квалификации. Чтобы стать, предположим, медсестрой, нужно учиться. У женщин же, подобных моим собеседницам, денег на учебу нет. А если б им и посчастливилось выучиться на медсестру, получить место нелегко: нужны рекомендации с прежнего места работы по специальности, а где их взять, если ты только закончил учебу?!

Бывает, зовут на черновые работы, но заработок в таких случаях не превышает пособия. Лишившись же пособия, лишаешься и льгот по медицинскому обслуживанию, и тогда лучше не болеть: разоришься вконец. Словом, типичное «Кетч-22».

За работу в упомянутой организации моим балтиморским знакомым не платят. Таким образом, безработные и обездоленные помогают таким же обездоленным, что соответствует сути «рейганомики»: спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Уволили же в 1982 году 18 тысяч служащих федеральных бюро трудоустройства, так что те, кто накануне выдавал квитанции на выплату пособий, сами заняли очередь за общественным подающим.

Там же, в Балтиморе, в университете Джона Гопкинса работает ученый-социолог Харви Бреннер. В 1979 году он суммировал результаты воздействия безработицы и экономических спадов на американское общество. То, о чем другие догадывались по наитию, Бреннер доказал с цифрами в руках, выведя формулу взаимосвязи между ростом числа

уволненных и увеличением смертности, преступности, самоубийств, умопомешательств, хронических расстройств организма.

— Остаются ли ваши выводы в силе годы спустя? — спросил я Бреннера и в ответ услышал категоричное «да».

Выводы Бреннера подтвердил глава исследовательского отдела Института трудовых и промышленных отношений при Мичиганском университете Луис Ферман. Четверть века наблюдений за теми, кого в Америке вышвыривают за ворота, привели его к открытию «синдрома розового квитка». Квитками, словно в издевку окрашенными в розовый цвет, в США по традиции извещают о наступлении черных дней в жизни уволенных.

По мнению Фермана, на этих бумажках в пору печатать, как на сигаретных пачках: «Опасно для здоровья». Согласно данным его исследования, каждый лишний процент безработицы — это 38 886 свежих могил, 4 673 новые психиатрические лечебницы, 5 832 обитателя тюрем дополнительно.

Сегодня к проблеме безработицы в США подходят с разными мерками. Президент Рейган, любящий вспоминать, как в детстве его отец принес вместо новогоднего подарка розовый квиток, называет «лишних людей» скопищем лодырей и дармоедов, норовящих побольше урвать из государственной казны, и в том же духе настраивает остальную часть населения. В одном из посланий конгрессу Рейган сокрушался: каждый дополнительный процент безработицы, мол, означает лишние 25 миллиардов дефицита в бюджете из-за недополученных налоговых поступлений и затрат на пособия. Латая эту прореху, руководимая им администрация проделывает новые, все более обширные дыры в «предохранительной сетке», которую Белый дом обещал расстелить под теми, на кого обрушатся удары судьбы.

Бреннер же считает, что мерить человеческие страдания на доллары по меньшей мере негуманно. Его мнение разделяет другой американский ученый — Уве Парпарт. По имени реакционера от науки Мальтуса, который проповедовал ограничение рода людского с помощью эпидемий, голода, войн, он назвал «рейганомикку» неомальтузианством.

ПИВО С РАСИЗМОМ

Даже в знаменитом своими трущобами Нью-Йорке есть район, на фоне которого прочие кварталы местной бедноты выглядят райскими кущами. Имя этой зоне супертрущоб — южный Бронкс. Он настолько нищ и убог, что американские киношники частенько туда наведываются,

чтобы без декораций, в натуре снять сюжет о последствиях стихийного бедствия либо войны.

Между тем в южном Бронксе живут десятки тысяч людей, оказавшихся на нью-йоркском дне, — преимущественно негры и пуэрториканцы. Они годами обивают пороги муниципалитета, тщетно взывая о помощи. Власти одного из богатейших городов США гонят их прочь, ссылаясь на отсутствие средств.

И вдруг деньги нашлись: 100 тысяч долларов выделила городская казна плюс 70 тысяч — федеральная. Израсходовали их, однако, не на лечение южного Бронкса от хронической хвори, а на придание цветущего вида гибнущему организму.

Идея навести на трущобы румяна осенила нью-йоркского муниципального советника Энтони Глидмена. Он, в свою очередь, позаимствовал ее не то у голливудских декораторов, не то у фаворита Екатерины II князя Потемкина, для улады императрицыных глаз выстроившего бутафорскую деревню. Как бы то ни было, Глидмен «реставрировал» целый сити из 320 развалюх, оклеив их фасады виниловой пленкой, размалеванной сценками уютного домашнего быта. Едешь мимо таких декораций и видишь опрятные жилища, из окон которых смотрят на улицу рисованные цветы, кошачьи мордочки, лица людей. Каждый квадратный ярд виниловых лубков обошелся нью-йоркской мэрии всего в 6 долларов. Дешево и со вкусом.

«Известия»

1 декабря 1983 года

* *
*

Подражая Франклину Рузвельту, нынешний глава Белого дома каждую субботу обращается к нации с пятиминутными радиопроповедями. Обычно, если только он не мечет громы и молнии во внутренних и внешних врагов, Рейган просвещает сограждан насчет своего подхода к насущным проблемам самих американцев. При этом меняются темы его выступлений, но не суть. Все они строятся по принципу «сам свою политику не похвалишь — никто не похвалит», так что из президентских речей следует, будто в Америке царят тишь да гладь да божья благодать.

Своим привычкам глава вашингтонской администрации не изменил и в последнюю субботу июля 1985 года, объявив, что за годы его правления чернокожие граждане США стали жить лучше, чем прежде. Не то чтобы припеваючи, но и не так, мол, плохо, как раньше. Как всегда, вящей убедительности ради президент высыпал в эфир ворох впечатля-

ющих цифр и, как всегда, умолчал о фактах, которые опровергли бы его выкладки и, главное, представили бы ситуацию в истинном свете. Пришлось наутро газете «Нью-Йорк таймс», излагая выступление Рейгана, присовокупить последние данные о положении негров (взяты, кстати, из правительственных документов). По этой статистике, почти 36 процентов негритянского населения США живет в нищете, чего не было уже без малого 20 лет.

Вздумай составители президентских речей это проверить, им не пришлось бы далеко ехать. Всего в 3 часах езды из столицы, на атлантическом побережье штата Мэриленд, расположен город Оушн-Сити, куда, мнимые океаном, дюнами, комфортабельными отелями и значными заведениями, в погожие дни стекаются до 200 тысяч курортников.

Добираются в Оушн-Сити по шоссе № 50 — скоростному хайвею с двухрядным движением, которое давно стало тесно образующейся каждый уик-энд лавине машин. Едущим по нему глазеть по сторонам недосуг, и невдомек им, что вокруг ультрасовременного курорта влчат нищенское существование тысячи коренных жителей-негров.

Официально те края именуются графством Вустер. В нем постоянно живет 31 тысяча человек. Треть из них — черные, из коих каждый пятый числится бедняком. Да и в пересчете на душу населения, если сравнивать с белыми, доход местных негров более чем вдвое ниже.

По этой причине четверть негритянских семей Вустера ютятся в лачугах, словно скопированных с тех, в какие загнали коренное население своей страны правители ЮАР. В одной из подобных хибар живут Мэри Джойнер и ее 10-летний сынишка Майрон. Сиротливая, без абажура лампочка под потолком, дощатый, зияющий дырами пол, никаких вошедших в понятие американского стандарта удобств, дюжина пластмасовых бидонов, в которых приходится за 3 километра носить питьевую воду. И за эти, с позволения сказать, хоромы с Мэри Джойнер дерут 100 долларов в месяц.

— Не жилище, а хлев, — сокрушается Мэри. — А куда денешься? Молю бога, чтоб и это-то не отняли.

Подобно соседям, Джойнеры опасаются, как бы в Вустере, который был основан еще в 1672 году, не ввели, наконец, минимальные нормы жилищных удобств. Случись это, нынешние обитатели местных бедняков будут признаны непригодными к эксплуатации, и пять с половиной тысяч людей останутся вовсе без крова — приличное жилье им не по карману.

Оттого-то и считает себя благодетелем Кларенс Хэммонд — белый владелец трущоб, где нашли приют Джойнеры и дюжина семей им подобных. Официальный его титул — «лендлорд» (домовладелец), неофициальный — «сламлорд» (владелец трущоб). Впрочем, оба термина на

равных занесены в американские словари и фигурируют в уголовном кодексе США. Стало быть, в глазах заокеанской Фемиды трущобовладение — бизнес, как и любой другой.

Сам Хэммонд живет в Оушн-Сити, а в принадлежащем ему гетто держит бакалейную лавку. По его разумению, иного жилища негритянская беднота и не достойна. Впрочем, для печати Хэммонд старательно повторяет то, что постоянно слышит в радиопередачах из Белого дома:

— Никто черных в моих домах не держит. Не нравится — пусть ищут другое пристанище. И вообще: в нашей стране, если не бить баклуши, можно добиться чего угодно.

Его бы устами... Мэри Джойнер работает на птицефабрике даже по выходным и все равно концы с концами сводит с трудом. Для нее и подавляющего большинства негров в Вустере есть только самая тяжелая, низкооплачиваемая работа. Защищать их интересы некому: на все графство лишь один черный занимает выборную должность, хотя, повторяю, негры составляют треть населения Вустера. И некому развязать укоренившийся со времен рабовладения миф, будто черные рады-радешеньки такому житью.

...По пути в Сан-Франциско пришлось сделать пересадку в Денвере. До следующего рейса оставалось около часа, и я решил побродить по аэропорту. Первое, что бросилось в глаза, — реклама: «Пиво «Курс» — чистое, как слеза». Понимай — сварено из натуральных ингредиентов на родниковой воде, благо Денвер лежит у подножия Скалистых гор. Знают, хитрецы, чем приваждать американца, то и дело слышащего про очередной скандал с очередным продуктом, чьи вид и вкус «улучшены» химической приправой.

Хваленое пиво названо в честь своего изобретателя — Адольфа Курса. Его же именем наречена одна из крупнейших в Америке пивоваренных компаний. Ныне ею заправляют внуки основателя: Уильям и Джо-зеф. Фигуры видные. Билл возглавляет Национальную ассоциацию пивоваров, Джо состоит в «кухонном кабинете» Рейгана еще с той поры, когда нынешний президент только готовился принести присягу. Без согласия младшего внука Адольфа Курса не утверждают ни одну кандидатуру на высокие посты в администрации.

В определенном смысле наследники «пивного короля» под стать своему фирменному напитку: как и в производстве, в политике примесей не допускают, ратуют за ее чистоту — в том смысле, какой в это понятие вкладывают консерваторы до кончика ногтей. Джозеф Курс, по слухам, даже состоял в ультрареакционном «Обществе Джона Берча». Во всяком случае, достоверно известна фраза, которую он исторг по избрании Рейгана президентом: «Сбылась мечта моей жизни!» Брат же его Билл — рьяный поборник «чистоты» белой расы.

В этой вере Уильям Курс не раз исповедовался публично. Выступая в Денвере на собрании негритянских бизнесменов, он, не только не стесняясь их присутствия, но и прямо к ним обращаясь, заявил: «Черные умственно неполноценны» и потому-де должны почитать за счастье, что работорговцы «приволокли сюда в цепях ваших предков». Столь неоригинально-оскорбительным образом внук Адольфа Курса пытался пробудить во внуках темнокожих рабов верноподданнические чувства к «стране равных возможностей».

Давно уже Америка не слыхала столь первозданно расистских речей со столь высокой трибуны: заокеанский расизм, разумеется, здравствует по-прежнему, но сделался утонченной. Поэтому откровения денверского пивовара вызвали шок. Торопясь замять скандал, Уильям Курс на завтра созвал пресс-конференцию, где свалил вину на журналистов: мол, невесть что ему приписали. Вящей убедительности ради с собой он привел трех черных, которые принялись петь ему дифирамбы. Еще бы: двое — его субподрядчики и только что из тюрьмы, куда угодили за финансовые махинации, а третий занимает солидный пост на заводе по производству ядерного оружия.

Впрочем, личность адвокатов Уильяма Курса значения не имела: его хорошо знают в Соединенных Штатах и так. На заводах «Адольф Курс» запрещены профсоюзы, работников при найме заставляют пройти проверку на детекторе лжи; особенно же притесняют представителей меньшинств. За это вот уже семнадцатый год пиво «Курс» подвергается бойкоту во многих частях страны.

Осенью 1983 года под Вашингтоном в превращенном в музей помещении первого американского президента открыли памятник тем, кого он держал в рабстве. Как говорится, из песни слова не выкинешь — Джордж Вашингтон был не только вождем американской революции, но и сыном своего времени и, подобно многим согражданам, пользовался услугами черных невольников, которые канули в вечность, не оставив даже имен.

Но то история почти 200-летней давности. Отчего же здешние власти предрержащие с ностальгией вспоминают эпоху рабовладения теперь? И почему администрация Рейгана в открытую, чуть ли не с вызовом игнорирует интересы черных избирателей? Все дело, по мнению столичной обозревательницы Дороти Гиллиам, в общей политике нынешних обитателей Белого дома в социально-экономической области, имеющей целью высвободить капитализм из-под любых ограничений, с еще большей откровенностью и размахом одаривать богачей за счет бедняков.

В такой обстановке процветают уникальные «достопримечательности» для туристов в Атланте (штат Джорджия). На ее окраине реставрировали и открыли для посещений действующую хлопковую плантацию

с настоящими черными издольщиками, а в самом центре города не знает отбоя от посетителей ресторана «Хижина тети Фэнни».

Входящих в сие заведение встречает чернокожий подросток Уэсли с меню в виде ярма (такие вешали неграм-рабам) на груди. Напевая спиритчуэлз — при надобности затынут и гимн рабовладельцев «Дикси», — споро обслуживают черные же официантки в платьях, какие носили их подневольные бабушки. Белые хозяин и метрдотель подгоняют прислугу «шуткой»:

— Вот сейчас кнотом угощу!

За год «Хижину тети Фэнни» посещают четверть миллиона американцев. Снимки особо почетных гостей горделиво смотрят со стен. Случаются и такие, кого расистский балаган коробит. Им притворно втолковывают:

— Хотим воссоздать картинку прошлого. Большинству нравится, да и мы рады: разрушили еще одно бую.

Истина же в том, что в «Хижине» вместо приправы подают рабство. Под пиво «Курс».

ЗЛОЕ СОСЕДСТВО

Английская поговорка «Мой дом — моя крепость» приобрела буквальное звучание для жителей Чикаго Уоррена Сэндерса, его жены и двух дочерей. Сэндерсы заколотили досками окно в кухне, через которое в их жилище на днях влетела бутылка с зажигательной смесью. Занялся огонь, обгорели стены и пол, пока не подоспели пожарные. Сэндерсов же и сейчас бьет нервная дрожь. Будучи черными, они не знают, чего теперь ждать от сплошь белых соседей. «У людей должно быть право селиться там, где им нравится», — считает миссис Сэндерс. Иного мнения их окружение: права, мол, писаны не для негров. По приезде черных новоселов, пишет «Чикаго трибюн», белые старожилы созвали сход, где стали решать, как жить дальше. Вскоре к ногам Уоррена Сэндерса упало расистское «добро пожаловать».

Случилось это две недели спустя после того, как неподалеку, в лилейно-белом Сисеро, дерзнула поселиться другая негритянская пара — Гофферы. Их тут же взяли в осаду, забросали палками, бутылками и железяками, стали ломиться в их квартиру с винтовками наперевес. Спасая жизнь, Гофферы бежали, едва успев собрать скарб. А теперь выкуривают Сэндерсов...

«Известия»

28 ноября 1984 года.

За два с лишним века, что Соединенные Штаты существуют как независимое государство, бомбы на их территорию падали лишь однажды. В 1921 году в Талсе, штат Оклахома, взбунтовались негры, и местные поборники рабства вызвали авиацию, с чьей помощью мятеж был жестоко подавлен.

64 года спустя Америка вновь подверглась бомбардировке с воздуха. И вновь смертельный заряд на головы американцев обрушили не чужеземные завоеватели, а сограждане, причем жертвами опять стали черные. Вот как это было.

12 мая 1985 года один из негритянских районов Филадельфии запрудила полиция. Несколько сотен вооруженных пистолетами, автоматами и винтовками с оптическим прицелом стражей закона в касках и пуленепробиваемых жилетах окружили двухэтажный деревянный дом и потребовали от его обитателей — восьмерых взрослых и пятерых детей — освободить помещение.

Насильственные выселения в «самой свободной стране свободного мира» — дело обычное. За пару дней до случившегося в Филадельфии на противоположном краю США, в Лос-Анджелесе блюстители порядка бульдозерами сровняли с землей палаточно-картонный поселок, сооруженный тамошними бездомными: власти «города ангелов» (ставший прозвищем перевод названия Лос-Анджелеса) посчитали, что труппы в их владениях хватает и так. А может, их возмутила дерзость самозванных строителей, словно в насмешку нарекших нагромождение ящиков, коробок и рухляди «Джастисвиллем» — «поселком справедливости»...

Филадельфия тоже имеет прозвище — «город братской любви», тоже звучащее иронически, поскольку местным гражданам «второго сорта», к коим относят «цветных» и всех бедняков без разбора, вместо любви и братства достаются эксплуатация, дискриминация и репрессии. Что и доказали описываемые события.

После того, как осажденные отказались подчиниться приказу властей, осаждающие принялись забрасывать их пристанище гранатами со слезоточивым газом и бить по нему из водометов. Когда и это не помогло, в дом-баррикаду полетели залпы и очереди. Пальба велась до вечера следующего дня. Стреляли с крыш соседних зданий, из-за полицейских машин и фургонов, не жалея патронов. («Истратили 10 тысяч пуль, несколько десятков гранат со слезоточивым газом и две с половиной тысячи тонн воды для водометов», — деловито отрапортуют потом участники налета. «И это «город братской любви»?!» — ужаснется содеянному полицейский Майк Стермел. — Скорее Вьетнам времен нашей войны с этой страной».)

А выселяемые все не сдавались. И тогда к стае круживших над их домом вертолетов присоединился еще один, с которого сбросили зажигательную бомбу. Раздался оглушительный взрыв. Вместе с обломками к небу взметнулось пламя, которое тут же перекинулось на соседние здания, благо в Америке жилища для негров и малоимущих строят сплошными рядами. В пожаре, какого Филадельфия не знала за всю свою 284-летнюю историю, сгорели дотла более 60 зданий, из-за чего 300 с лишним ни в чем не повинных людей остались без пожитков и крова.

Из руин же разбомбленного дома извлекли 11 обезображенных до неузнаваемости трупов. Определили лишь, что четверо погибших — дети. Еще двое: подросток и взрослый, получили сильные ожоги, но все же остались живы. Уцелевших могло быть и больше, но, как рассказали очевидцы, каратели в полицейских мундирах сознательно обрекли остальных на смерть, лавиной свинца преграждая им выход из охваченного пламенем помещения.

Неделю спустя в Филадельфии отслужили молебен по убиенным. Панихиду организовали власти «города братской любви» в надежде замолить свой смертный грех, а заодно похоронить правду о случившемся. Надеясь на бога, они и сами старались не оплошать — взывая к милосердию сограждан, распинались в чистоте побуждений и запустили на полные обороты машину дезинформации.

Словно из водометов, какими неделей раньше поливали убежище черных «мятежников», на головы американцев по всем правилам «промывания мозгов» обрушились тяжеловесные в своей лжи и лицемерии «разъяснения». Попирая здравый смысл и древнюю заповедь «О мертвых ничего либо только хорошее», вершители самосуда над 11 неграми написали им нелепейшие замыслы и поступки вплоть до... коллективного самоубийства. Полицмейстер Филадельфии Сэмбор сочинил и пустил в оборот версию о том, будто заживо сгоревшие сами себя подожгли да еще успели-де облить бензином крыши соседних домов — вот, мол, те и вспыхнули. Попутно внушалось, что действия городских властей вообще вне подозрений и критики: погибли семеро взрослых и четверо детей — и поделом им (жили, мол, «не как все»), да и другим будет наука.

Верится с трудом? Однако именно так прокомментировал сообщения из Филадельфии шеф полиции Лос-Анджелеса Гейтс, узревший в кровавой бойне «пример для подражания всем нам». И ладно бы так думал и говорил один Гейтс, давно прославивший жестоким расистом, который сам кому угодно даст уроки расправ над «цветными». Увы, почти слово в слово то же заявил министр юстиции Миз, назвавший филадельфийскую трагедию «добрым примером», который-де «следует взять на заметку».

Между тем в официальных пояснениях к случившемуся в «городе братской любви» концы с концами не сходятся. В описаниях стражей закона здание, где размещалась разгромленная негритянская организация «Мув», предстало неприступной крепостью, оцетинившейся всевозможными видами оружия. На его пепелище же нашли 3 винтовки, ружье да пару пистолетов, которые и при самом буйном воображении трудно принять за арсенал, побудивший полторы сотни карателей прибегнуть к крайним мерам.

Зато выяснилось, что полиция лгала, заявляя, будто для усмирения черных было использовано обычное взрывное устройство. На самом деле, как позже признали городские власти, бомбу изготовили из взрывчатки повышенной мощности, применяемой Пентагоном.

Как такая взрывчатка попала к полиции Филадельфии, если ее передача гражданским лицам строжайше запрещена? Оправдываясь, жрецы местной Фемиды утверждали, что динамит у военных выпросили для занятий... с ищейками. Стало быть, предназначалась для служебных собак, а применен был против людей. К тому же, как обнаружилось, расправа готовилась загодя: еще за несколько дней до нападения на негритянский квартал бомба испытывалась на полигоне местного училища полиции.

Наводить тень на плетень властям предержавшим помогала буржуазная пресса. Убийство 11 черных и предание огню целого квартала она подала следствием стечения обстоятельств и изолированным, не характерным для США эпизодом. Будто и не было операции по уничтожению руководителей «черных пантер», массовых полицейских расправ над неграми Уоттса, Майами и Вашингтона, кровавого усмирения негров — заключенных тюрьмы Аттики. И словно та же Филадельфия не снискала мрачную славу города, в центре которого символом насилия и репрессий выстает бетонная цитадель полицейского управления, чьи обитатели чуть что пускают в ход цепных псов, дубинки и огнестрельное оружие. Недаром предыдущий мэр «города братской любви» Фрэнк Риззо любил прихвастнуть: «Захочу — захвачу со своими ребятами любое государство в Карибском бассейне».

А что же Белый дом, чьи хозяева, случись нечто подобное в «недружественной» Соединенным Штатам стране, зашлись бы в праведном гнев и охрипли от возгласов возмущения? На сей раз официальный Вашингтон, если не считать мистера Миза, словно набрал в рот воды, но в этом молчании слышались отголоски знакомой политики, незадолго до этого заставившей Рейгана взять под защиту организаторов расправы над коренными жителями ЮАР. И разве ссылки властей Филадельфии на то, что, разгромив негритянский квартал, они-де уберegli город, не созвучны угрозам вашингтонской администрации продолжать курс международного террора и агрессий под предлогом «спасения демокра-

тии»? При желании нетрудно усмотреть аналогию и с высказыванием одного из офицеров экспедиционного корпуса США в Индокитае: «Чтобы спасти вьетнамскую деревню от коммунистов, пришлось ее сжечь».

Сколь полиция «города братской любви» ни слывет, даже по американским стандартам, жестокой и скорой на самосуд, а и она, по всеобщему убеждению, воздержалась бы от насилия, будь разгромленные ею кварталы заселены белыми. Тут же стражи порядка пустили оружие в ход не задумываясь, хотя заранее знали, что воюют с горсткой взрослых и малолеток. Уместно вспомнить, как за месяц до этого в Аризоне полиция и ФБР осадили сущую крепость, в которой засели вооруженные до зубов белые неонацисты. С теми, однако, поладили миром, без стрельбы, слезоточивого газа и воздушных налетов.

— Складывается впечатление, что полиция только и ждала повода расправиться с обитателями дома № 6621 по Осэдж-авеню, — вырвалось у одного из телерепортеров, комментировавших случившееся в Филадельфии. Зубы — точнее, ножи — стражи закона на них точили с 1978 года, когда представители «Мув» впервые бросили вызов местным властям. С тех пор они числились «радикалами», а такие, по неписаным американским законам, вне закона. Так было в 60-е годы, когда полиция Чикаго пристрелила спящих вожаков «черных пантер», так было в конце 70-х годов, когда при подстрекательстве и попустительстве блюстителей порядка черносотенцы из Гринсборо (штат Северная Каролина) среди бела дня застрелили пятерых участников антикуклуксклановской демонстрации; то же, по сути дела, повторилось теперь в Филадельфии.

В росте террора жрецов американской Фемиды над согражданами есть зловещая закономерность: тот же принцип «Сильный всегда прав» положен в основу внешней политики администрации Рейгана, что, однако, ничуть не мешает представителям США на все лады и на всех перекрестках расхваливать «преимущества американского образа жизни».

Негры, жившие в Филадельфии на Осэдж-авеню, сей образ жизни отвергли — и расстались с самой жизнью. «Посагать на наши порядки никому не дозволено», — назидательно заявил над телами погибших мэр «города братской любви» Уилсон Гуд.

...Еще, образно говоря, тлели головешки на пепелище по Осэдж-авеню, а полгода спустя в том же «городе братской любви» занялся новый пожар ненависти к черным. По этой причине в юго-западной части Филадельфии на месяц ввели осадное положение — под страхом крупных штрафов и арестов запретили появляться на улице группами более 4 человек. Случилось это после того, как в ноябре 1985 года два вечера кряду многосотенные толпы белых собирались под окнами новоселов-черных, требуя их выдворения.

Несмотря на опустившиеся сумерки, одна из осажденных семей — супруги Уильямсы и их семилетняя дочь — сидели в собственном

жилище в потемках, не смея включить освещение. Лишь однажды за плотно задвинутыми шторами огонек было вспыхнул, но тут же погас, ибо толпа стала орать с еще большей злобой. Кроме расистских угроз и оскорблений, в окна «забывших свое место нигтеров» полетели бутылки и камни.

А неподалеку, в десятке кварталов, осаде подверглись Джеральд и Кэрол Фоксы, их 10-летняя дочка и 5-летний сын. Им пришлось и того хуже. В отсутствие Фоксов расисты устроили в их жилище погром: переломали мебель, повредили отопление и водопровод, пытались учинить пожар. «Стыд и позор нашему городу», — сокрушалась «Филадельфия инкуайрер».

Газета напомнила, что «город братской любви», где в конце XVIII века была оглашена Декларация независимости и прозвучал колокол американской свободы, ареной расизма стал не впервые. В 60—70-е годы редкое лето обходилось там без избиений, поножовщины, стрельбы и смертоубийств. Описываемая же вспышка человеконенавистничества произошла оттого, что дотоле юго-запад Филадельфии был, как в США выражаются, лилейно-белым: черные селиться в этой части города не осмеливались. Накалу страстей способствовало и ухудшающееся социально-экономическое положение коренных жителей филадельфийского юго-запада, из коих каждый пятый ныне влчит нищенское существование. В этом смысле, казалось бы, белые бедняки должны быть заодно с черными, но их умышленно срамливают. Едва Уильямсы и Фоксы справили новоселье, как их соседей стали донимать спекулянты недвижимостью, уговаривая за бесценок продать жилье, «пока черномазые не заполонили весь город».

В конце концов, не выдержав оскорблений, угроз и издевательств, Уильямсы ретировались в районы, отведенные черным. Напоследок они лишились всех пожитков: одежды, только что купленной мебели, еще не распакованных рождественских подарков, дорогих сердцу каждого фотографий, писем и безделушек, — ибо их дом в результате поджога сгорел.

Сейчас Уильямсы обживают новый дом. Свой нынешний адрес они хранят в строжайшем секрете — боятся возобновления травли.

РОГ ИЗОБИЛИЯ И РОК «РЕЙГАНВИЛЛЕЙ»

Расположенный в Вашингтоне «Фонд защиты детей» опубликовал доклад, из которого яствует, что в самой богатой стране Запада больше асего детей умирает не от несчастных случаев или болезней, а от голода и нищеты. По подсчетам этой организации, на сегодня в Америке бедст-

вуют 13,3 миллиона малолетних граждан — на треть больше, чем пять лет назад. По крайней мере 66 тысяч несовершеннолетних американцев ночуют на улицах и в подворотнях. Особенно достается негритянским детям: половина из них не получает даже дошкольных прививок.

Будущее, предсказывает «Фонд защиты детей», еще беспросветней. Каждого четвертого появляющегося сейчас на свет американца рано или поздно постигнут нищета и подачки в виде вспомоществований.

«Известия»

25 марта 1985 года.

* *
*

Отверкали фотовспышки, отжужжали кино- и телекамеры, хозяин Белого дома одарил окружающих последней улыбкой, и судьба индейки была решена. Преподнесенную Рейгану белоснежную, донельзя раскормленную птицу («53 фунта мяса и перьев», — уточнили наутро газеты) унесли на кухню, где по случаю Дня благодарения сварили на традиционный обед главе государства, его домохозякам и званым гостям.

День благодарения в Америке празднуется с 1863 года, хотя отмечать его повелось двумя веками раньше — с той поры, как сотня пилигримов-британцев с превеликими муками пересекла Атлантику и бросила якорь у теперешнего Плимута (штат Массачусетс). От них числит свой род здешняя знать, а их первая в Новом Свете трапеза стала национальным обычаем благословлять провидение за наставничество и милосердие.

Как всегда, в канун четвертого ноябрьского четверга (дата ежегодного праздника) президент обратился с посланием к соотечественникам. Помянув «дух и традиции ирокезов и пилигримов», он призвал «всех граждан нашей великой страны собраться вместе в домах и церквах», дабы достойно отметить стародавний обычай. Ссылка на индейцев — дань легенде, согласно которой коренные жители Нового Света обогрели и приютили переселенцев из Света Старого, а также разделили с ними скромную трапезу. За свое радушие (или простодушие?) индейцы впоследствии поплатились насильственным переселением в резервации, лишением исконного уклада жизни, а многие и жизнью. Впрочем, вспоминать это в День благодарения да и в другие дни тоже в Соединенных Штатах не принято...

Двести потомков белых первооткрывателей США почтили традицию, не дожидаясь сигнала из Белого дома. В начале ноября они заполнили бальный зал нью-йоркского «Плаза-отеля» и под чинные мелодии дорого-

го оркестра возблагодарили предков за собственную судьбу. Общество отпрысков пилигримов насчитывает 22 тысячи членов с нотариально заверенной родословной, но под хрустальными люстрами роскошной гостиной собрались лишь самые знатные, из чьей среды вышли 6 президентов и несметные заправили здешнего бизнеса и политики.

Их пращурь приплыли в Новый Свет на утлом паруснике «Мейфлауэр», чья копия стоит на приколе в Плимуте, пополняя городскую казну за счет любителей старины и любопытствующих. У противоположного побережья Соединенных Штатов — калифорнийского в тот День благодарения был ошвартован линкор «Нью-Джерси», столь же непохожий на «Мейфлауэр», сколь угощение в «Плаза-отеле» разнилось с меню пилигримов. Речь не о размерах и оснащенности двух кораблей. «Мейфлауэр» доставил в Америку горстку гонимых верующих, «Нью-Джерси» же норовит огнем и мечом обратить в удобную современную Америке веру чужие народы. Его орудия еще не остыли от выстрелов по ливанцам, а нос уже был повернут к месту намеченной новой агрессии — против революционной Никарагуа. Поэтому вместе со снарядами (каждый весом с «фольксваген») в четвертый ноябрьский четверг на борт дреднуота подняли несколько тонн индюшатины: свое воинство сыгта Америка помнит и балует.

Индюшати́на — сравнительно недавнее добавление к рациону празднующих День благодарения. Во всяком случае, пилигримы ирокезов ею не потчевали: индейцы считали индейку птицей трусливой, ленивой и глупой и суеверно боялись принимать ее мясо в пищу.

К описываемому Дню благодарения в США было забито 44 миллиона индюшек. Тем не менее на собрании индейских племен, съехавшихся по случаю праздника в Южную Дакоту, индюшати́на отсутствовала. Не из суеве́рия: какой-либо другой еды там не было тоже. Тогда как Америка белых предавалась чревоугодию, ее коренные жители объявили демонстративный пост в знак протеста против непрекращающихся дискриминации, угнетения и репрессий. Кого и за что им благодарить, если в канун Дня благодарения вышел указ о новом сокращении и без того куцых ассигнований на их медицинское обслуживание, хотя производительность жизни индейцев и так почти вдвое короче века белых?!

Миллионы других американцев и рады были бы внять призыву своего президента «собраться вместе в домах и церквах», дабы вкусить традиционной индюшки с брусничной приправой, но не имели такой возможности. Одни — оттого, что лишены крова, другие — потому, что живут впроголодь, а то и подаванием. И если количество первых исчисляется «всего» тремя миллионами, то вторых здешняя пресса насчитала 47 миллионов! По оценке газеты «Чикаго трибюн», каждый пятый житель самой богатой страны Запада достиг черты нищеты либо уже ее переступил.

«Уровень нищеты достиг наивысшей отметки за последние восемнадцать лет», — подтвердило осенью 1984 года статистическое бюро США. Это значит — нация отступила на позиции, с каких объявил «войну с бедностью» Линдон Джонсон, правивший страной в середине 60-х годов. Стало быть, обещанное им «великое общество» опять в глухой обороне, снова в наступлении бедность, множа ряды бедняков. Из-за этого в придачу к прочим язвам Америки открылась и было зарубцевавшаяся — голод. Лэрри Браун, глава организации здешних врачей «Ударная группа по борьбе с голодом», именует его «недугом бедняков» и считает, что он приобрел характер эпидемии. Недаром в свидетельствах о смерти американцев все чаще делают запись: «умер от истощения».

Соединенные Штаты не Африка, о чьих бедствиях столько судачит здешняя пресса. Плодородные, обильно увлажняемые поля Америки способны прокормить и вдвое большее население. Тем не менее к миллионам американцев рог изобилия повернут острым, наглухо запечатанным концом. Да, в США дети не валяются под открытым небом со вспученными от голода животами, однако 17 миллионов из них регулярно недоедают, рискуя стать калеками и умственно неполноценными, а в чикагском вест-сайде (негритянское гетто) многие малыши не доживают и до годовалого возраста.

«Голод грозит, — признал мэр Чикаго, — почти каждому третьему жителю города. Как в столь богатой стране, как наша, допускают такое?» «Ничего подобного не видал с 1968 года, когда ездил в Индию во время повального голода», — заявил Лэрри Браун, посетив чикагские госпитали для детей, где он обнаружил редкие заболевания на почве истощения организма. Те их малолетние пациенты, кто поправляется, норовят подольше задержаться в больнице: дома есть нечего.

И так во многих районах Соединенных Штатов. Даже в соседствующем со столицей Монтгомери, одном из самых зажиточных округов страны, насчитывается 24 тысячи бедняков. Число выдаваемых им бесплатных обедов с 1980 года, когда президентом избрали Рейгана, утроилось...

По традиции последних лет в День благодарения в Лафайет-сквере открыли походную кухню для столичных бездомных и нищих. Было не по себе смотреть, как сотни мужчин и женщин, в своем большинстве молодого и среднего возраста, брали из стопки бумажные тарелки и понурясь подходили к добровольным раздатчикам пищи, накладывавшим индюшачье рагу. Как мог — взглядом, шуткой, похлопыванием по плечу — подбадривал униженных и голодных организатор помощи обездоленным Митч Снайдер, хоть сам едва стоял на ногах: незадолго до этого он провел семинедельную голодовку в знак солидарности с голодающими. «Раз в году, — сказал мне Снайдер, — мои братья и сестры вкусно и досыта поедят. Но в году 365 дней...»

Американцы прозвали подобные скопища изгоев общества, где посторонние оказывают им посильную помощь, «рейганвиллями». Кто-то из пришедших в Лафайет-сквер вспомнил изречение того, с чьим именем и политикой эти пристанища-призраки связаны: «Если хотя бы один американский ребенок ляжет спать на голодный желудок, если хотя бы один американский старик не получит нужных калорий и витаминов — это уже национальная трагедия».

В сегодняшней Америке эта трагедия размножена в 47 миллионах экземпляров.

Вашингтон — Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

Недолго музыка играла...	3
Президент и нищие	5
Когда фермеры плачут	11
Демократия под фиговым деревом	17
Том Сойер с Конститушн-авеню	20
После дождичка в четверг	25
Изнанка «американской мечты»	30
Пиво с расизмом	33
Злое соседство	38
Рог изобилия и рок «рейганвиллей»	43

Александр Александрович ПАЛЛАДИН

ПРЕЗИДЕНТ И НИЩИЕ

Редактор Д. В. Бирюков

Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 22.05.87. Подписано к печати 20.07.87. А 00401. Формат 70 × 108¹/₃₂.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учет-
но-изд. л. 3,04. Усл. кр.-отг. 2,28. Тираж 80000 экз. Изд. № 2019. Заказ 721.
Цена 10 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ПРИГЛАШАЕТ «СПОРТПРОГНОЗ»

● Эта новая спортивная лотерея предлагает любителям спорта проверить свои знания и испытать свою удачу в ее тиражах.

● Выигрывает тот, кто сможет угадать исход встреч не менее 11 из 13 пар команд, участниц данного тиража (тура) чемпионата страны по футболу, хоккею, волейболу, баскетболу или по другим игровым видам спорта.

● Билеты лотереи «Спортпрогноз» продаются в киосках и пунктах «Спортлото». Стоимость бланка билета 2 копейки. Билет содержит шесть вариантов заполнения, два из которых нужно заполнить обязательно. При сдаче заполненного билета в киоск или пункт «Спортлото» играющий обязан оплатить количество заполненных вариантов. Стоимость одного варианта — 30 копеек.

● Максимальный выигрыш в лотерею — 10 000 рублей.

● В выигрышный фонд каждого тиража поступает 50 процентов стоимости оплаченных вариантов по билетам, поступившим для участия в этом тираже.

● Доходы лотереи направляются на строительство и реконструкцию спортивных сооружений, на организацию физкультурно-массовых мероприятий.

**Главное управление спортивных лотерей
Госкомспорта СССР**